А. Е. Михневич

ЯЗЫК, КОТОРОГО НЕТ...

deuoti
AFFECTUS
woning
a letto
EMIE
RE

А. Е. Михневич

ЯЗЫК, КОТОРОГО НЕТ...

Минск
«Народная асвета»
1988

ББК 81.2
М69

Серия основана в 1982 году

Для среднего и старшего школьного возраста

Михневич А. Е.

М 69 Язык, которого нет...: Для сред. и ст. шк. возраста.— Мн.: Нар. асвета, 1988.— 80 с.: ил.— (Скарбы мовы).

ISBN 5—341—00150—8.

В книге рассказывается о бесконечном разнообразии знаковых систем — языков, которыми владеет или которые исследует человек. Речь идет о языках исчезнувших, «языках» природы, искусственных языках различных типов и назначений, об огромной ценности знаковых систем и их роли в жизни общества, о языковых потребностях человека.

$М\frac{4802000000—060}{М303(03)—88}150—88$ ББК 81.2

ISBN 5—341—00150—8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моим школьным друзьям-товарищам

Нет, не забыть ни голосов, ни лиц...
Ах, как давно все это с нами было:
Такое солнце щедрое светило;
А как звучали переливы птиц,
Шептались травы и цвели цветы,—
Едва ль все это позабудешь ты.

В сказке Ханса Кристиана Андерсена «Гадкий утенок» есть такая фраза: «По зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и ***болтал по-египетски***,— этому языку он выучился у матери».

Египетский язык давно — почти пятнадцать столетий тому назад — исчез, а Х. К. Андерсен жил в XIX веке и описывал современных ему людей, нравы, события. И аистов тоже, должно быть, живших в XIX веке. Впрочем, в сказке все возможно. Но все же странно — по-египетски...

Конечно, я понимал, что Х. К. Андерсен не случайно одарил аиста египетским языком. Аист — птица перелетная, на зиму улетает из Дании на юг, возможно, и в Египет. Но там уже давно не говорят по-египетски. И если этому языку он выучился у своей матери, а мать-аистиха — у своей и так далее, то это значит, что египетский язык передавали в аистином роду из поколения в поколение, с тех незапамятных времен, когда эти птицы стали улетать из Ев-

ропы в Африку, в Древний Египет. Так, хотя и в сказке, ожил один из исчезнувших языков.

Вспомнился мне и рассказ (совсем не сказка) о том, как один из ***мертвых языков*** был сохранен людьми. В середине нашего столетия боливийский археолог и этнограф Дик Эдгар Ибарре Грассо обнаружил в Боливии и Перу (даже в самой столице Боливии — городе Ла-Пас) живых знатоков иероглифического письма, существовавшего более 400 лет тому назад в Южной Америке (речь идет о великой цивилизации инков, уничтоженной испанскими завоевателями в XVI веке). Найденные Диком Грассо люди, не знавшие испанского языка и латинского алфавита, пользовались «по наследству» системой иероглифического письма, корни которого уходят в первое тысячелетие нашей эры.

Так сказка соединилась с реальностью. А потом мне подумалось, что давно отжившие, ***мертвые языки*** используют не только сказочные говорящие птицы или реальные наследники древних инков. Разве мало у нас людей, которые читают и даже могут говорить и писать на языках прошлых эпох — древнегреческом, старославянском, древнерусском и иных. Это ведь тоже ***мертвые языки***, потому что никто на земле сейчас не говорит только на этих языках.

Но если есть ***язык, которого уже нет***, то почему не может быть ***языка, которого еще нет***? Однако не утрачивает ли в таком случае слово ***язык*** свой смысл, свою определенность? Не появляется ли у него какое-то новое, метафорическое значение? И в самом деле, что означают выражения ***язык будущего, язык дружбы и братства, язык птиц, язык угнетения, язык запахов, язык архитектуры, язык цифр, язык юристов, язык живой и мертвый, тайный язык*** и т. д.?

Подобные выражения давно стали привычными. Вот, например, первый номер журнала «Знание — сила» (1987). Лишь полистав его, я обнаружил ***языки мозга, химический язык медиаторов, язык моей культуры, живой язык всего живого, родной язык, Институт русского языка, связи между языком и мышлением.***

Стало обычным говорить, читать и слышать о ***языках информационных, алгоритмических, машинных*** и т. п., на которых не говорил и не говорит ни один народ, но без которых нельзя представить себе человеческое общество конца XX века. Что же это все за языки?

Из размышлений на эти темы постепенно и выросла эта книжка. Работая над ней, я все время помнил слова замечательного ученого, лингвиста-теоретика Льва Владимировича Щербы — слова, вдуматься в которые прошу и читателей: «...Жизнь людей не проста, и если мы хотим изучать жизнь — а язык есть кусочек жизни людей,— то это не может быть просто и схематично».

Разумеется, в одной и небольшой по объему работе нельзя рассказать о всех значениях слова ***язык***, т. е. обо всем многообразии знаковых систем, которыми владеет, которые открывает или создает для себя и которые исследует человек. Главная цель автора — заинтересовать молодого читателя, побудить его к самостоятельному научному поиску и самостоятельным размышлениям.

ЯЗЫК, КОТОРОГО УЖЕ НЕТ

СНАЧАЛА О ЯЗЫКАХ, КОТОРЫЕ ЕСТЬ

По данным Академии наук Франции население земного шара говорит не менее, чем на 2796 языках, которые объединены в одиннадцать больших и около пятидесяти малых языковых групп, а все говорящие на этих языках используют от семи до восьми тысяч диалектов.

Немецкие ученые утверждают, что народы современного мира говорят на языках, число которых превышает 4000, а всего науке известно около 5600 живых и мертвых языков.

В книге советских лингвистов «Принципы описания языков мира», вышедшей в 1976 году, читаем: «По приблизительным данным, в настоящее время на земном шаре существует примерно 3500 языков».

Увы, более точные данные о числе естественных языков сегодня вообще вряд ли могут быть получены. Создание языковой карты мира с каждым днем становится делом все более трудным, ибо практически нет больше одноязычных стран и даже крупных городов. Например, Лондон наших дней английские ученые называют «лингвистическим Вавилоном» (в Вавилоне, как гласит библейская легенда, были смешаны разные языки, и люди, пере-

став понимать друг друга, не смогли больше совместно возводить вавилонскую башню). По данным министерства образования Великобритании, в ее столице говорят на 147 языках (включая, разумеется, английский). Объясняется это тем, что живущие в городе выходцы из бывших британских колоний «привезли» с собой и свои языки. В целом в Англии сейчас проживает около двух миллионов небелого населения. Около сорока процентов этих людей родились уже в Англии, то есть стали представителями ее собственных национальных меньшинств.

Эта ситуация относительно новая. А заглянем в Швейцарию. Есть такая страна, но нет и никогда не было швейцарского языка. На западе этой республики говорят по-французски, на юге — по-итальянски, а в большинстве кантонов (округов) — по-немецки, причем в каждом «немецком» кантоне свой диалект. В столице кантона Граубюнден-Кур говорят сразу на шести языках: немецком, итальянском и четырех разновидностях ретороманского.

Нет, как известно, и американского языка, хотя есть — и немало — описаний американского варианта английского языка. Нет языка бельгийского: во Фландрии говорят на фламандском, а в Валлонии — на французском. Нет языков бразильского, чилийского, аргентинского или мексиканского, потому что в Бразилии используется португальский, а в остальных странах Латинской Америки — испанский (а кроме того — многочисленные языки индейцев).

По-немецки говорят в ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии, есть немецкое население и в СССР. Но один ли это язык? Ученые ГДР утверждают, что есть веские доводы и основания говорить о немецком языке социалистической нации и немецком языке нации буржуазной. Председатель западно-германской организации, занятой налаживанием контактов между немцами в ФРГ, ГДР и других странах, Хорст Зилафф в беседе с советскими журналистами отметил, что немец из СССР не будет восприниматься в ФРГ как ино-

странец, но и своим он тоже не станет, так как, кроме различий во взглядах, привычках, есть и разница в языке. Сколько же в таком случае «немецких языков» можно насчитать в современном мире?

Этот вопрос вовсе не праздный, ведь известно множество случаев «распада» языка на несколько разных, хотя и родственных языков. Конечно, слово *распад* здесь употреблено условно, так как речь идет не о том, что один реальный язык вдруг «рассыпался», «распался» на две или три части, а о том, что на основе внутренне присущих каждому языку различий, на территории, которую занимали его носители, постепенно сформировались различные языки.

Очевидно, что язык один, пока он внутренне един. Но абсолютного единства нет и быть не может. Если же понимать единство как абсолютное единство, то тогда вообще нужно признать, что на земле столько отдельных языков, сколько говорящих личностей (и даже больше, потому что человек в зрелые годы говорит не совсем так, как в молодости). Ненаучность такого подхода как будто бы очевидна, но такая идея иногда, в пылу полемики, провозглашалась.

Чтобы показать, как сложна языковая картина и языковая жизнь в мире, рассмотрим подробнее один «простой» случай — простой потому, что население страны, о которой пойдет речь, владеет общим языком, границы распространения которого по существу совпадают с границами государства. Мы говорим о Китайской Народной Республике.

Она расположена в Восточной и Центральной Азии, образована 1 октября 1949 года. Площадь Китая — 9,6 млн кв. км, численность населения (данные 1982 года) — 1 031 882 511 человек. Китайцев (ханьцев) в КНР — 93,3 процента, представителей национальных меньшинств — 6,7 процента (более 67 млн). Государственный язык КНР— китайский.

Какая же реальная ситуация скрывается за этим государственным — одним!— языком?

Современный Китай в языковом отношении — это совокупность многочисленных диалектов китайского языка. К ним добавляются региональные койне — диалекты крупных центров (например, Пекина, Шанхая, Гуанчжоу), которые служат средством общения в определенном районе страны. Существует также общенародный китайский язык — путунхуа (в переводе — общий обычный язык), представленный двумя формами — устно-разговорной и письменно-литературной. Прибавим к этому язык вэньянь — старый письменно-литературный, опирающийся на древнекитайский разговорный язык, который с течением времени оторвался от языка живого устного общения. Кроме того, в стране насчитывается более восьмидесяти языков национальных меньшинств, расселенных более чем на половине территории страны. Среди последних — языки различных языковых семей: аустроазиатской (мяо-яо, ва-палаунг, вьетнамский, влан и др.), тайской (буи, чжуан, кам, лаккья, ли, цоу, пайван и др.), алтайской (монгольский, дунсянский, уйгурский, казахский, саларский, нанайский, сибинский и др.), индоевропейской (таджикский в Синьцзяне), китайско-тибетской (тибетский, аси, сани, носу, лаху, лису, мохо, дзинпо и др.), а также корейский, не входящий в какую-либо языковую семью.

Нужно иметь в виду еще и то, что в рамках отдельных языков национальных меньшинств обнаруживаются многообразные диалектные различия. Так, народность мяо говорит на нескольких диалектах, причем нередко носители одного диалекта не понимают друг друга, настолько различны их местные говоры. В пятидесятые годы китайские языковеды утверждали, что народность яо говорит более чем на пятнадцати языках.

Обрисованную выше картину дополняет еще один штрих: некоторые национальные языки Китая функционируют как региональные языки, то есть выполняют роль средства

межнационального общения для нескольких соседних народов, и как языки административные (в местном судопроизводстве, обучении, печати и т. д.).

Между несоседними диалектами самого китайского языка различия в ряде случаев настолько значительны, что их носители не могут общаться в устной форме (хотя одинаково понимают иероглифический текст).

Вот теперь и судите сами, проста ли задача подсчета и классификации живых естественных языков.

В нашей стране насчитывают обычно около ста тридцати языков. Это отнюдь не значит, что у нас проживает сто тридцать национальностей. Например, черкесы и кабардинцы — это два народа, но язык у них один — кабардино-черкесский. А у мордвы, коми и марийцев (три народа!) по два литературных языка: эрзя-мордовский и мокша-мордовский; коми-зырянский и коми-пермяцкий; лугово-восточный марийский и горно-марийский (шесть языков!).

Для того чтобы признать язык — языком или хотя бы диалектом, вовсе не достаточно подсчитать, сколько людей им пользуется. На китайском, как мы уже говорили, общается более миллиарда землян. Английский звучит на всех континентах мира: не менее полумиллиарда людей используют его и как родной, и как язык межнационального общения. Несколько сотен миллионов жителей планеты знают (или изучают) русский и т. д. Все это мировые языки.

Но в одном только нашем Дагестане, население которого чуть больше полутора миллиона человек, сосредоточено почти тридцать языков, т. е. чуть ли не четверть всех языков страны: аварский, лезгинский, даргинский, лакский, табасаранский (все они имеют письменность), а также андийский, каратинский, ахвахский, тиндайский, багвалинский, рутульский, крызский и т. д. На хиналугском языке говорит около тысячи человек, на арчинском и будухском — по стольку же. И все же нет сомнения в том, что это — языки!

Однажды мне довелось слушать выступление эстонского языковеда и полиглота академика П. А. Аристэ, специалиста по финно-угорским языкам (в эту группу, относящуюся к уральской языковой семье, входят финский, эстонский, венгерский, карельский, мордовский и другие языки). Он рассказал, что им и его сотрудниками был обнаружен финно-угорский диалект, носителем которого был один человек: пожилая женщина, говорящая и по-русски, на своем родном языке обращалась к небесам, молилась. Уверен, что изучение этого языка (диалекта) принесло специалистам не меньше удовлетворения и было не менее интересно и поучительно, чем исследование признанных, полноценных языков — эстонского или венгерского.

Этой женщины уже нет в живых. Вместе с нею ушел в прошлое еще один естественный, человеческий живой язык, пополнив собой неизвестное нам число так называемых мертвых языков — *языков, которые были, но которых уже нет*.

В число живых, современных языков входит и белорусский — родной, по-видимому, для большинства читателей этой книги. Прочтем текст на белорусском языке:

«Гэтыя славяне прыйшлі і селі на Дняпры і назваліся палянамі, а другія — драўлянамі, таму што пасяліліся ў лясах; іншыя ж атабарыліся паміж Прыпяццю і Дзвіною і назвалі сябе дрыгавічамі; некаторыя аселі на Дзвіне і пачалі называцца палачанамі з-за рэчкі; што ўпадае ў Дзвіну і носіць назву Полата... І так разышоўся славянскі народ, а па яго імені і грамата была названа славянскай».

Как видим, здесь говорится о наших предках — славянских племенах, живших некогда на территории современной Белоруссии.

А теперь сравним белорусский текст с другим:

«Ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася полочане... И тако разидеся словѣньский языкъ, тѣм же и грамота прозвася Словѣньская».

Думаю, что и этот текст (фрагмент древнерусской «Повести временных лет») вполне понятен современному читателю, хотя написан он на *языке, которого уже давно нет,* как нет и народа, для которого этот язык был родным.

Язык этот — древнерусский, ближайший «предок» по прямой линии языка белорусского (а также русского и украинского). От белорусского к древнерусскому — шаг на одну историческую ступень к прошлому, хотя шаг этот измеряется столетиями. Древнерусский язык — это средство общения русских, украинцев и белорусов в то время, когда они еще составляли одну древнерусскую народность, окончательно сформировавшуюся на основе племенных союзов восточных славян в период Киевской Руси.

Для трех современных восточнославянских языков древнерусский — это *праязык* (сравн. *прадед, пращур, прародитель*). Для воссоздания истории каждого из восточнославянских языков знание языка древнерусского неизбежно, ибо эти знания — фундамент восточнославянского языкознания. Без изучения древнерусского языка нельзя глубоко понять историю, культуру, этнографию, саму судьбу трех народов-братьев.

На древнерусском языке была создана большая и разнообразная литература. На этом языке безвестный гений сложил одну из величайших поэм древности — «Слово о полку Игореве».

История древнерусского языка включает два периода — дописьменный и письменный. Письменный период относят к XI—XIV векам, а дописьменный — к VII—XI векам нашей эры.

Итак, от века XX к веку XIV — шесть столетий существования и развития русского, украинского и белорусского языков. От века XIV к веку VII — семь столетий жизни древнерусского языка. От века VII к веку..? Сделаем еще один шаг в глубь столетий.

Древнерусский язык можно назвать правосточнославянским. Чтобы совершить следующий шаг к *языку, которого уже нет,* достаточно из слова правосточнославянский убрать его «середину» — ...восточно... Что же представлял собой праславянский язык?

Праславянский язык — это «предок» всех славянских языков, ныне образующих (давайте вспомним) три группы: восточную (языки русский, украинский и белорусский), западную (польский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкий) и южную (болгарский, македонский, сербскохорватский, словенский). Таким образом, праславянский был некогда общеславянским языком. Так названа и книга выдающегося исследователя праславянского языка французского лингвиста А. Мейе.

Когда же существовал народ, язык которого мы обозна-

чаем термином *общеславянский?* Конец периода его существования — это приблизительно VII век нашей эры (начало эпохи древнерусского дописьменного языка). А начало ученые относят не позднее, чем к VII веку до нашей эры, когда по данным науки праславянский язык уже существовал как особое языковое единство, но и не раньше, чем рубеж третьего и второго тысячелетий нашей эры, когда уже происходили процессы, ведшие к образованию общеславянской языковой общности.

Общеславянский язык исторически (в письменных памятниках) не зафиксирован, текстов на нем нет. Его элементы — звуки, морфемы, слова — реконструированы, как бы вычислены на основе сравнительно-исторического анализа фактов живых и мертвых славянских языков и диалектов. Уверенность в том, что факты различных славянских языков отражают древние славянские явления возрастает в том случае, если наблюдения подтверждаются анализом звуковых и смысловых явлений других индоевропейских языков.

Откроем этимологический словарь славянских языков, который содержит восстановленный учеными праславянский лексический фонд, и посмотрим, как «выглядят» некоторые слова праславянского языка. Для их графического изображения используется специальный набор знаков, а звездочка перед словом указывает на то, что оно «вычислено», реконструировано. Итак:

*ajьce и *ajьko — *яйцо.* Две формы одного слова восстановлены и включены в праславянский лексический фонд на том основании, что существуют многочисленные факты в живых славянских языках: болгарское *яйце,* диалектное болгарское *айце, аце, йеце,* сербскохорватское *jajce*, являющееся уменьшительным от *jaje*, чешское *vejce*, словацкое диалектное *vajco*, польское *jajce,* древнерусское *яице*, русское и белорусское *яйцо* и т. п.— с одной стороны; с другой — чешское диалектное *vajko*, *jajko*, верхнелужицкое *jejko*, польское *jajko*, белорусское *яйка* и т. д.

Реконструкция проводится на основе учета достаточно строгих звуковых соответствий и законов семантики. В рассмотренном случае она позволяет установить, что две формы с разными суффиксами (*-с-* и *-к-*) восходят к праславянскому * *aje*, которое, в свою очередь, соотносится с такими формами других индоевропейских языков, как осетинское *aik*, новоперсидское *xāya*, древневерхненемецкое *ei*, латинское *ovum* и т. д.

Здесь у читателя может возникнуть вопрос: если из родственных славянских слов можно «вывести» праславянскую форму, то нельзя ли, идя далее и сравнивая славянские языки с неславянскими, попытаться восстановить единицу еще более древнего языка, который был бы праязыком по отношению к праславянскому?

Вопрос резонный, и он давно уже поставлен наукой, именуемой индоевропеистикой. В этом слове не случайно мы слышим *Индия* и *Европа*. Это как раз указание на тот огромный регион, где с незапамятных времен распространены родственные языки, отдельную группу которых составляют языки славянские. Кроме них в индоевропейскую семью языков входит еще пятнадцать групп (некоторые из них включают лишь один язык). Назовем все группы в алфавитном порядке:

— албанский язык;

— анатолийская группа (мертвые языки хеттский клинописный, хеттский иероглифический, лувийский, ликийский, лидийский и другие);

— армянский язык;

— балтийская группа (литовский, латышский и мертвые прусский, ятвяжский, голядский);

— венетский язык (мертвый);

— германская группа (английский, немецкий, нидерландский, фламандский, шведский, датский, норвежский, исландский, фарерский, а также африкаанс, идиш и мертвый готский);

— греческая группа (древне- и новогреческий);

— иллирийский язык (мертвый);

— индийская группа (хинди, бенгали, урду, панджаби, маратхи, гуджарати и другие, а также санскрит, ныне мертвый);

— италийская группа (мертвые оскский, умбрский, а также латинский, на основе которого развились многие живые языки: испанский, итальянский, французский, португальский, румынский, молдавский, ретороманский, сардинский, провансальский);

— иранская группа (персидский, таджикский, курдский, пушту, белуджский, осетинский, татский, талышский, памирские языки, а также мертвые авестийский, древнеперсидский, скифский, парфянский, бактрийский и др.);

— кельтская группа (галльский, бретонский, валлийский, корнуэльский, ирландский, шотландский);

— славянская группа (языки были названы выше);

— тохарская группа (мертвые тохарский А и тохарский Б);

— фракийский язык (мертвый);

— фригийский язык (мертвый).

Сопоставляя данные этих языков, ученые пришли к выводу об их родстве, а следовательно, и о наличии у них общего предка, который и был назван праиндоевропейским языком или индоевропейским праязыком. Где его начала? Во тьме веков, где-то в V—III тысячелетиях до нашей эры.

Сегодня мы знаем, что закономерности развития языков вовсе не похожи на законы биологии, что выражения *живой* и *мертвый язык, предок* и *потомок, жизнь языка* не больше, чем метафоры. На заре же индоевропеистики, в рамках так называемого натуралистического направления науки о языке, в годы, когда создавались основы сравнительно-исторического языкознания, существовало представление, что язык схож с биологическим организмом и потому можно выработать такие методы, которые дадут возможность воссоздать с высокой степенью достоверности *язык, которого уже нет.*

Ярким представителем натуралистической школы в лингвистике был немецкий ученый А. Шлейхер (1821—1869). Он был уверен, что учение Ч. Дарвина приложимо и к языкам, что «в области языков тем более неопровержимо происхождение видов путем постепенного разрознения и сохранения более развитых организмов в борьбе за существование».

Оптимист, эрудит, полный энергии и веры в свою науку, А. Шлейхер решил восстановить один исчезнувший «вид» — индоевропейский праязык. И, как ему казалось, сделал это. Он даже написал на ожившем языке знаменитую басню «Овца и кони». Вот она, эта басня. Внимание! Сейчас вы будете читать на *языке, которого уже нет* по крайней мере пять тысячелетий.

AVIS AKVASAS KA

Avis, jasmin varna na ā ast, dadarka akvams, tam vāgham garum vaghantam, tam, bhāram magham, tam, manum āku bharantam. Avis akvabhjams ā vavakat: kard aghnutai mai vidanti manum akvams agantam.

Akvāsas ā vavakant: krudhi avai, kara aghnutai vididvantsvas: manus patis varnām avisāms karnanti svabhjam gharmam vastram avibhjams ka varna na asti.

Tat kukruvants avis agram ā bhudat.

ОВЦА И КОНИ

Овца, на которой не было шерсти, увидела коней, везущих тяжелую повозку с большим грузом, быстро несущих человека. Овца сказала коням: сердце теснится во мне, видя коней, везущих человека.

Кони сказали: послушай, овца, наше сердце печалится, потому что мы знаем, человек — господин, делает шерсть овцы теплой одеждой для себя, и у овец нет шерсти.

Услышав это, овца повернула в поле.

Таков приблизительный перевод басни на русский язык. Ну, а смысл ее, весьма поучительный, пояснений не требует.

Пусть с позиций современной лингвистики текст басни А. Шлейхера научно несостоятелен. И все-таки нельзя не

восхищаться стремлением человека увидеть то, что скрыто плотной завесой времени.

Итак, белорусский — правосточнославянский — праславянский — праиндоевропейский... А что же дальше? Можно ли высказать, а может быть, и обосновать гипотезу о праязыке, лишь одним из потомков которого был праиндоевропейский?

Такая гипотеза была выдвинута датским языковедом Х. Педерсеном, а затем научно обоснована многими лингвистами, в том числе и советскими, в частности В. М. Илличем-Свитычем. Она получила название ностратики (от латинского слова nostras — наш, т. е. речь идет о «наших» языках). В ностратическую макросемью были объединены «наши» языковые семьи, между которыми были установлены родственные связи: индоевропейская, картвельская, семито-хамитская, уральская, тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская, дравидийская и корейский язык. Строго говоря, ностратика — это всего лишь теория, в которой обосновывается родство языков, входящих в перечисленные языковые семьи. Но ведь за этим родством, теоретически уже доказанным, должен скрываться общий предок — *язык, которого уже нет* многие и многие тысячелетия!

Если мысленно идти по этой дороге времени дальше, в глубь тысячелетий, то мы неизбежно придем к проблеме глоттогенеза. Это греческое слово означает «происхождение языка». Но не какого-либо конкретного, пусть даже давно исчезнувшего, а языка вообще, Человеческого Языка, или Дара Слова, о котором Н. И. Лобачевский говорил: «...Не столько уму нашему, сколько дару слова одолжены мы всем нашим превосходством перед прочими животными».

Проблема глоттогенеза интересует философов, психологов, биологов, математиков, историков, а не только лингвистов. Иногда говорят и так: предмет лингвистики — происхождение языков, а происхождение Языка — проблема не лингвистическая. Но она волнует воображение всех уче-

ных, вызывает жгучее любопытство огромного числа людей, не снимается с повестки дня уже много столетий.

С разных позиций и разными средствами пытались решать ее. Не обошла этот вопрос и церковь. До позднего средневековья вели церковники очень горячие споры о том, какой язык был принят в раю — латынь или древнееврейский. Их очень интересовало также, на каком языке говорили ангелы. Бернард Шоу, знаменитый английский драматург, саркастически утверждал, что подобный вопрос задавали инквизиторы национальной героине Франции Жанне д'Арк. Их очень интересовало, на каком языке звучали Деве-Воительнице ангельские голоса, призывавшие ее, как гласит легенда, вступиться за поруганную Францию. Ну, а на вопрос, откуда в раю взялся латинский или другой язык, церковь отвечала так, как и на все трудные вопросы: бог дал (или сотворил, создал, придумал и т. д.).

Но предпринимались и научные попытки выяснить, как человек говорил в «библейские времена». Об одной из них рассказала французская газета «Фигаро». Вот этот рассказ.

«Аах, аах; чен, чен; реу, реу...» — эти звуки в лаборатории фонетики университета города Экс-ан-Прованс, где работают специалисты в области физиологии речи и информатики, произносит наш отдаленный предок, останки которого найдены в 1967 году в Южной Франции. Емкость грудной клетки, строение челюстей, подвижность языка, работа сотен мышц, вызывающих членораздельную речь,— все эти данные учтены и включены в программу компьютера, что позволяет услышать голос тотавельского человека, жившего в одной из пещер руссильона 450 000 лет назад.

До сих пор ни один ученый не был в состоянии ответить на вопрос, могли ли говорить наши доисторические предки, указывает руководитель исследований профессор де Люмлей. Анализируя следы прикрепления мышц на черепах гоминидов, живших два миллиона лет назад, исследователи восстановили их внешнюю морфологию. «Хомо хабилис» (по латыни «человек способный») имел выдвинутую вперед нижнюю челюсть с горизонтальными мышечными связками, лежащий в передней части ротовой полости массивный язык и не соприкасающиеся друг с другом губы. Следовательно, он не был в состоянии произносить такие гласные, как *и, а, у,* издавая, однако, все фонетические варианты *е* или *т*.

Спустя 1550 тысяч лет, тотавельский человек, обладая голосовым аппаратом, подобным нашему, уже мог позволить себе быть гораздо более разговорчивым. Его нижняя челюсть была прикреплена к шее вертикальными мышцами, он обладал параллельными губами и языком меньших размеров, свободно двигающимся в ротовой полости. Человек из Тотавеля должен был произносить все теперешние гласные и согласные, включая сложные фонемы *ш* и *с*. Чтобы доказать это на опыте, ученые изготовили точную модель его речевого аппарата. С помощью компьютера исследователи воспроизводят прохождение звука из глубины легких до кончиков губ, создавая полную опись звукового репертуара тотавельца. Неизвестным останется, что выражали эти звуки. Тем не менее, считает профессор де Люмлей, наши предки-охотники, жившие в коллективе, должны были освоить весьма обширный словарь».

Этот рассказ — один из примеров того, как человечество медленно приближается к разгадке тайны пра-, прапра-, прапрапра- и т. д. языка и языков, на долгом пути развития которых немало языковых могильников, курганов и пирамид. Вернитесь к перечню групп и отдельных языков индоевропейской семьи и посмотрите, сколько в этой, далеко не полной схеме упомянуто *языков, которых уже нет*.

Зачем они нам — человечеству, народам и отдельным людям? Что влечет нас к языкам, самым существенным определением которых является слово *мертвый?*

Это происходит, наверное, потому, что в людях всегда жила и будет жить тяга к истокам своим, интерес к прошлому, стремление осмыслить минувшие дни, столетия, эпохи. Зачем? Чтобы понять, кто мы, где корни человеческой мысли, человеческого чувства, человеческого слова, почему мы едины и так различны.

Поэтому нет и не будет для нас *мертвых языков* в безысходном смысле этого слова. Прошлое не умирает. Оно лишь преобразуется, как бы спрессовывается в нашей памяти, в человеческом опыте, чтобы затем войти в настоящее и будущее, наполнить и осветить их историческим смыслом.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ОДНОГО ЯЗЫКА, КОТОРОГО УЖЕ НЕТ

На протяжении тысячелетий рождались, существовали, развивались, угасали и бесследно исчезали многие языки, о которых мы, по-видимому, никогда ничего не узнаем. Так происходило прежде всего потому, что у людей не было средств для того, чтобы их увековечить,— не было письменности. Но с момента, когда звучащее слово человек научился превращать в слово зримое, многое изменилось. Нередко с тех пор язык оставался жить и тогда, когда исчезали его носители. Более того, иногда такой язык входил в будущее как важный элемент его духовного богатства, потому что на нем в прежние эпохи были созданы поэмы и драмы, философские трактаты и исторические исследования, медицинские описания и математические доказательства — одним словом, культура. А культура не стареет и не умирает.

Одним из таких языков является латинский. Замечательный сербский сатирик Б. Нушич писал в своей полной юмора «Автобиографии»: «Латинский и древнегреческий языки считаются теперь мертвыми языками. Но я до сих пор не могу уяснить смысл понятия «мертвый язык». Я понимаю, что язык может исчезнуть, а народ продолжает жить, но чтобы исчез народ, а язык остался, это выше моего понимания».

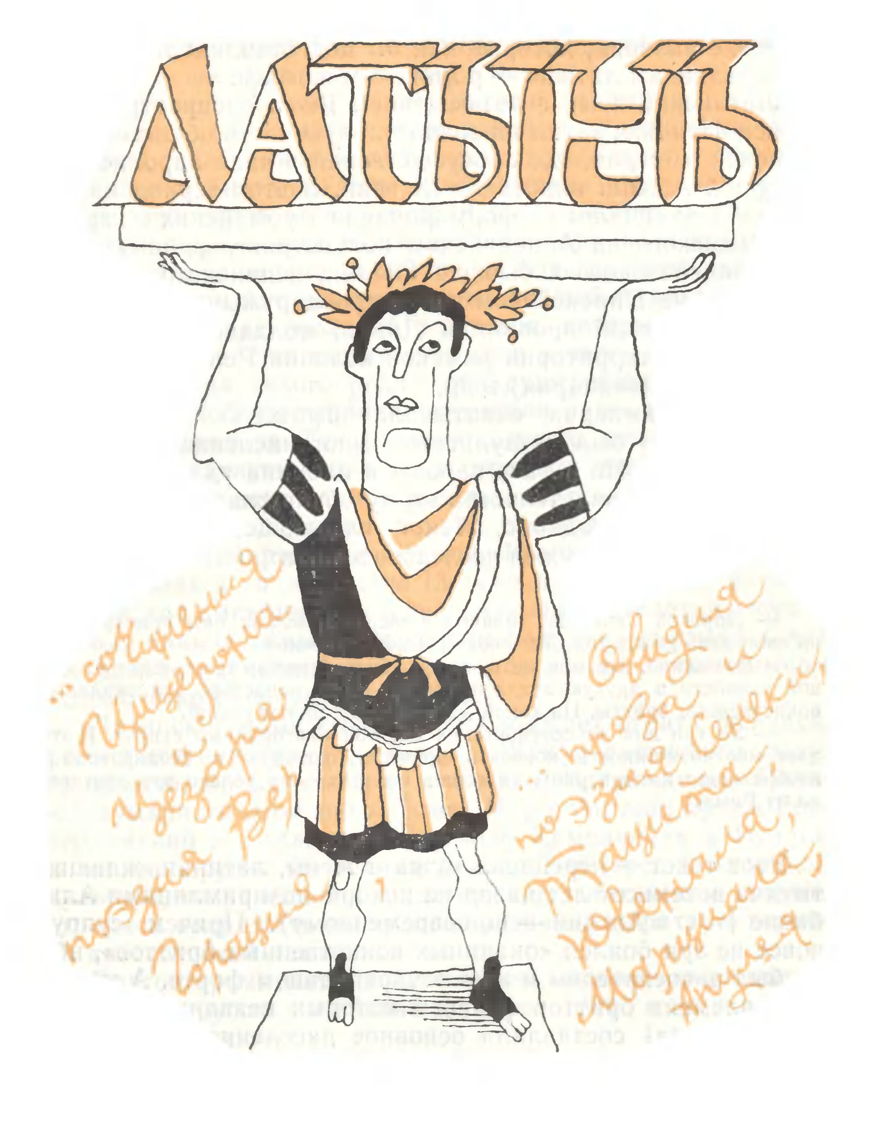
А вместе с тем, действительно, язык этот остался, а народ исчез. Почему же тогда мы относим латынь к *языкам, которых уже нет?*

Вернитесь на несколько страниц назад и прочтите еще раз отрывок из «Повести временных лет», в частности, вот эти слова: «И тако разидеся словѣньский языкъ...» А как они переведены на белорусский? «І так разышоўся славянскі народ...» Заметили: *язык* — это *народ*. Именно таково одно из значений слова *язык* в древнерусском. Вспомните

знаменитые строки А. С. Пушкина: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык». Это же значение слова *язык* встречаем в выражениях *нашествие двунадесяти языков* (об Отечественной войне 1812 года), *притча во языцех* (т. е. то, о чем говорит весь народ). И именно потому, что *язык* — это *народ*, мы и относим латынь к числу *языков, которых уже нет*. Нет уже много столетий единого народа, говорящего по-латыни. А язык продолжает жить иной, новой жизнью, ибо сохранил и донес до нас великую культуру и историю народа, поглощенного волнами времени, ибо дал жизнь многим современным языкам, общее название которых — романские — несет в себе отзвук и отсвет столицы латинского языка — Рима.

В начале первого тысячелетия до нашей эры на латинском языке говорило население небольшой области на Апенинском полуострове по нижнему течению реки Тибр. Область эта называлась Латиум, а ее жители — латинами. Самым древним текстом на этом языке считается надпись на золотой застежке (фибуле), которую нашли в 1871 году в древнем городе Пренесте, расположенном недалеко от Рима. Надпись на пренестенской фибуле датируется VII—VI веком до нашей эры. Найдены и другие памятники архаической латыни (надгробные надписи, официальные документы и иные), которые позволяют восстановить и достаточно ясно представить себе фонетический и грамматический строй языка той эпохи.

На смену архаической латыни пришел классический латинский язык (I век до нашей эры — I век нашей эры), достигший расцвета в прозаических сочинениях Цицерона и Цезаря, в поэзии Вергилия, Овидия и Горация. Затем наступил период послеклассической латыни (I—II век нашей эры), отраженный в прозе и поэзии Сенеки, Тацита, Ювенала, Марциала, Апулея и других авторов, и наконец — эпоха поздней латыни (III—VI века нашей эры). В позднелатинских произведениях, созданных в основном историками и христианскими богословами, уже явственны грамма-

ЛАТЫНЬ
...сочинения
Цицерона
и Цезаря
Вер
поэзия
Горация
Овидия
проза и
поэзия Сенеки,
Тацита,
Ювенала,
Марциала,
Апулея

тические явления, которые как бы подготавливали переход к наследникам латыни — романским языкам.

Латинский язык с возвышением Рима распространился на всю Италию, затем на значительную часть обширнейшей Римской империи, где просуществовал в виде народно-разговорной латыни вплоть до IX века. В этот период на его основе закончилось формирование романских языков (итальянского на Аппенинском полуострове, французского и провансальского в бывшей Галлии, испанского и португальского на Пиренейском полуострове, румынского на территории римской провинции Дакии, молдавского, ретороманского на территории римской колонии Реции (теперешняя южная Швейцария) и др.

Римская империя охватывала огромную территорию. Ясно, что это было результатом многочисленных завоевательных войн. Но не все народы и племена удавалось подчинить Риму. Свидетельства этому обнаруживаются иногда совершенно неожиданно. Текст следующего содержания был недавно обнаружен исследователями:

— Дорогой Сириалис. Флавия Севера прислала нам приглашение на свой день рождения. Мы поедем к ней, конечно?

— Возможно. Но мне не очень улыбается мысль о переезде из одной крепости в другую, когда по дороге могут попасться эти окаянные воинственные бритты. На какой день намечен прием гостей?

— За три дня до сентябрьских ид, мой благородный супруг. И это дает мне возможность показать прическу, которую я скопировала с изображения императрицы на новых монетах — их только что доставили из Рима.

Этот текст — переписка мужа и жены, латинян, живших тысяча восемьсот лет назад на покоренном римлянами Альбионе (т. е. в Англии — по-современному). Причем супруг вовсе не зря боялся «окаянных воинственных бриттов», ибо он был завоевателем и жил в укрепленном форте. А кельтские племена бриттов (именем которых названы Британские острова) составляли основное население Британии с

VIII века до нашей эры до V века нашей эры и законно отстаивали свое право на свободу и землю.

Приведенный выше диалог — лишь один из латинских текстов на тонких деревянных табличках, несколько тысяч которых были найдены недавно во время археологических раскопок в Англии. Ученые раскапывали и изучали знаменитую защитную стену, которая была построена римлянами, названа ими в честь императора Адриана и пересекала всю Англию с запада на восток от моря до моря. Здесь исследователи и натолкнулись на настоящий археологический клад — собрание посланий и записок, которыми обменивались римляне. Это самый старый и к тому же единственный материал такого рода, обнаруженный в Англии. До сих пор подобные таблички находили лишь в Египте и на Ближнем Востоке. Так, благодаря *языку, которого уже нет,* удалось заглянуть еще в одну страницу античной истории.

В средние века латынь использовалась как общий письменный язык в Западной Европе, поскольку в молодых государствах (например, в Италии, Франции и Германии, образовавшихся в середине IX века в результате распада Франкской империи) в течение нескольких столетий отсутствовали национальные литературно-письменные языки. С тех же времен латинский язык является официальным языком католической церкви и Ватикана.

Латинский язык сыграл и продолжает играть большую роль в истории культуры и науки. Духом латинского языка пропитана, можно сказать, вся эпоха Возрождения. Великие гуманисты этой эпохи Томас Мор в Англии, Эразм Роттердамский в Голландии, Томмазо Кампанелла в Италии и многие другие проявляли большой интерес к античной культуре, создавали произведения на латинском языке, стремясь подражать высоким образцам литературы периода классической латыни.

Долгое время латынь оставалась языком дипломатии. Например, русско-китайский договор 1689 года написан по-латыни.

Как бы продолжая традиции XVII—XVIII веков, когда на латыни создавали свои труды голландский философ Бенедикт Спиноза, английский физик Исаак Ньютон, «первый русский университет» Михайло Ломоносов, немецкий философ и математик Готфрид Лейбниц, ученые Западной Европы и Южной Америки (вспомним, что страны этого континента называются латиноамериканскими) предложили возродить использование латинского языка в качестве международного языка науки.

И современная наука тесно связана с латинским языком, ибо он наряду с греческим с давних пор служит источником образования общественно-политической и иной научной терминологии. В словаре-справочнике советского ученого Н. В. Юшманова «Элементы международной терминологии» насчитывается (а книжечка эта совсем невелика) более тысячи латинских корней, входящих в такие слова, как *агроном, альбатрос, акула, армия, аттестат, бином, гербарий, глобус, декрет, диктатура, дисциплина, интернационал* и многие другие, образованные на основе латинских корней или заимствованные из латыни во многие европейские и иные языки. Вряд ли можно сегодня представить себе образованного человека, который, говоря на родном языке, не «говорил» бы вместе с тем по-латыни (если под словами «говорил по-латыни» понимать невозможность избегнуть латинских корней в «своих» словах).

Значение мертвого латинского языка столь велико, что без всякого преувеличения можно сказать: тот, кто изучает латынь, идет по одной из магистральных дорог усвоения мировой культуры.

И в заключение этой главы одна занимательная история. У великого римского оратора Марка Туллия Цицерона (он жил в 106—43 годах до нашей эры) был раб Тирон, выполнявший роль секретаря. Цицерон дарил его своей дружбой и в конце концов отпустил его на свободу. По существовавшему тогда правилу это повлекло за собой изменение имени Тирона: он получил родовое и личное имя своего быв-

шего господина, теперь покровителя, а свое имя сохранил как прозвище. Марк Туллий Тирон — так звали теперь вольноотпущенника — стал издателем писем и некоторых речей Цицерона. Чтобы облегчить себе работу при переписывании, он придумал систему сокращений, которая впоследствии получила название «тиронские знаки» и положила начало стенографии — скоростному письму, позволяющему вести синхронную, одновременную запись быстрой устной речи.

Можно было бы рассказать немало таких — и интересных, и поучительных — историй. Все они так или иначе подтверждают, что *язык, которого уже нет,* продолжает жить новой жизнью. Но, во-первых, было сказано, что история о Тироне идет в заключение, а во-вторых, те же латиняне говорили: Garrula lingva nocet, что значит «Болтливый язык вредит». И потому ставим точку на рассказе о *языке, которого уже нет*.

ЯЗЫК, КОТОРЫЙ... ЯЗЫК ЛИ?

ПОЙМИ ЖИВОЙ ЯЗЫК ПРИРОДЫ

У советского поэта А. Тарковского есть рассказ «Чудеса летнего дня». Он начинается так:

«Был жаркий июньский день. Сначала в саду никого не было, и все в нем вело себя, как саду было угодно.

Серебристый тополь сказал:

— Сегодня я совсем ехшу. Все листья абсолютно папата-репота. И к тому же наоборот — терепе-папата!

Плакучая шелковица подняла ветви дыбом, перестала плакать и пустилась танцевать вальс, напевая:

Если красавица склонна к измене,
Лошади нравятся зубчики в сене...»

Деревья говорят, исполняют оперные арии и даже танцуют вальс. Так видит природу поэт. Тонкий знаток природы, Ф. И. Тютчев утверждал, обращаясь, по-видимому, к скептикам:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, *в ней есть язык.*

В ней есть язык!.. Раз есть язык, должен быть и текст на этом языке. И действительно, о *книге природы* слышим мы от самых мудрых людей. «Книга природы есть неисчерпаемый источник познаний для че-

ловека»,— писал Вольтер. «Этюд, даже самый удачный,— только случайный обрывок из большой книги природы»,— говорил художник А. И. Куинджи. С ними соглашаются строго мыслящие ученые. «Природа перед нами раскрыта, как чудесная книга»,— утверждал Д. И. Менделеев. «Хорошо изучив азбуку ДНК и РНК, мы перейдем от чтения книги природы к ее написанию. Мы допишем ее своей рукой»,— таково мнение академика В. А. Энгельгардта.

Читатель уже, наверное, потерял терпение. Разве не очевидно, что все эти говорящие тополя, поющие шелковицы, азбуки и книги природы не что иное, как иносказания, метафоры, олицетворения и тому подобные художественные приемы, о которых знает каждый школьник?!

Не будем, однако, слишком торопиться с окончательным выводом. Ознакомимся со следующей информацией из научно-популярного журнала. Биолог Тони Суэйн (университет города Бостон в США) установил: поврежденное дерево начинает выделять растительный гормон, о чем можно судить по повышению концентрации этилена в окружающем дерево пространстве. Соседние деревья через некоторое время повторяют действие своего раненого собрата. Как это объяснить? Родилась гипотеза: химические вещества, выделяемые растениями, служат языком, с помощью которого они общаются.

Нужно ли в последней фразе слово *язык* взять в кавычки? Вспомним: кавычки в подобных случаях указывают на то, что слово использовано не в прямом его значении. А каково оно, это прямое значение слова *язык*? Ответить на этот вопрос не так просто, как может показаться на первый взгляд. Именно «на первый взгляд» можно предложить считать языком только *естественный человеческий язык*. Тогда *языки природы* должны оказаться какими-то иными системами средств передачи информации. Но как быть при этом с такими сугубо человеческими информационными системами, как искусство, как светофор, азбука слепых и т. п.? Это языки или «языки»? И что такое тогда *язык*

дружбы, Эзопов язык, язык Пушкина, язык XIX века, язык науки, язык архитектуры? Входят они в число 2796 языков, исчисленных французской академией, или нет?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно, очевидно, глубоко изучить природу явлений, которые мы обозначаем словом *язык*. Ибо, как говорил Козьма Прутков, не зная языка ирокезского, не берись о нем рассуждать.

Заметим еще, что откажем ли мы природе в собственном языке или признаем за ней это свойство, наше решение никак не должно повлиять на отношение человека к природе, воспрепятствовать ее поэтизации, помешать развитию в человеке способности, как говорили древнеиндийские мудрецы, видеть звук и слышать краску. Пусть и в поле весной, и в осеннем лесу

...в воздухе *звучат слова, не знаю чьи,*
Про счастье и любовь, про юность и доверье,
И громко вторят им бегущие ручьи...

К этим прекрасным словам А. К. Толстого, поэта прошлого века, хочется добавить строки Н. И. Рыленкова — нашего современника:

Как мне жалко людей, про которых
Говорят, что угрюмый их глаз
Видит лишь *водоемы* в *озерах,*
А в *лесу* — *древесины* запас...

Поэтизация природы — одна из форм человеческого единения с ней, когда сама природа, по словам Карла Маркса, становится для человека человеком (как же оставаться ей немой!) и торжествует «осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы».

До сих пор, говоря о природе, мы не затрагивали вопроса об общении животных, о «языках» пчел, муравьев, птиц, дельфинов, обезьян — всех братьев наших меньших. А ведь сколько прекрасных легенд и сказок сложили люди на эту вечную тему. Вот одна из них, поэтически переданная английским поэтом Р. Киплингом:

Во веки веков не рождалось царя
Мудрее, чем царь Соломон;
Как люди беседуют между собой,
Беседовал с бабочкой он.

Между прочим, царь этот — лицо историческое, и правил он в одной из восточных стран в 965—928 годах до нашей эры. Вспомнил я об этом для того, чтобы обратить внимание читателя на возраст этой легенды. Почти три тысячи лет существует рассказ о том, как мудрый царь с помощью волшебного кольца «говорил и со зверями, и с дикими птицами, и с ползающими тварями, и с рыбами». За эти тысячелетия человеческая мысль прошла огромный путь, проникла в атомное ядро, в глубины космоса, в тайны наследственности, а легенда продолжает жить, обретая подтверждение, словно это и не легенда вовсе, а древняя научная гипотеза.

Знаете ли вы, что такое феромон бомбикол? Это биологически активное вещество, материальный носитель запаха, которым самка тутового шелкопряда сообщает самцу: «Я здесь!» Никто, за исключением самца шелкопряда, этот сигнал (или язык?) не понимает, да он никому и не нужен.

Никому, кроме любознательного человека! Зоологи и микробиологи, биофизики и химики, физиологи и генетики, экологи и этологи, лингвисты и семиологи изучают «древнейший язык планеты» — *язык запахов*. Искусственно осуществленный синтез феромона бомбикола — одна из удачных попыток овладеть этим языком.

Язык запахов (а им пользуются бактерии, водоросли, грибы, высшие растения и все животные) обладает многими достоинствами. Сделанное на нем сообщение передается на большие расстояния, действует в темноте, долго сохраняется. Правда, привычный для человека диалог здесь невозможен: одна реплика «говорящего» адресована всем, кто ее может воспринимать, а ответом является поведение «слушающего». Заметим, что так в принципе работает и светофор, изобретенный людьми.

Зачем человек стремится овладеть *языком запахов?* Цель ученых — воссоздать ясную картину общения животных на *языке химических сигналов* и с помощью химической коммуникации научиться управлять их поведением, их физиологией, их «эмоциями», отчего зависит численность популяции, судьба потомства. Чем не соломоново решение и соломоново умение? Экспериментальная энтомология (наука о насекомых) уже обнаружила новые каналы связи со своими испытуемыми. Иными словами, она предложила язык, при помощи которого если еще нельзя «разговаривать» с насекомым, то по крайней мере можно его понимать.

Есть у животных и другие «языковые средства». Представители птичьего мира используют для общения, кроме запахов, крики, свист, щелчки и другие звуки, прикосновения, определенные позы, свет и цвет. Громким щелканьем клюва самцы аиста извещают о том, что гнездо уже занято. Опущен клюв вниз — приглашение самки, поднят вверх — сигнал готовности защищать свой дом.

Установлено, что птичьи трели имеют несколько сот разновидностей. В языке ворон, например, около трехсот видов карканья, имеющих определенное значение. Не удивительно, что в вороньем языке есть «диалекты», затрудняющие или делающие вообще невозможным общение между представительницами разных территорий. Однажды орнитологи записали сигналы тревоги ворон, обитавших в Бретани (Франция). Когда магнитофонную запись включили на американском континенте, местные птицы никак не реагировали на предостережение своих соплеменниц с другого континента.

Нетрудно сообразить, что человек может изучить коммуникацию птиц и затем использовать ее для разных целей. Австрийский ученый К. Лоренц в такой степени овладел гусиным языком, что когда он гоготал, подражая вожаку стаи, птицы выполняли его приказы — разом бросались в воду или выходили на берег, шли на луг щипать травку.

Еще недавно рыб считали немыми. Во время второй мировой войны экипажи подводных лодок приходили в смятение, когда звукоулавливатели фиксировали разнообразные таинственные звуки. Теперь мы знаем, что рыбы ведут оживленные беседы. А особенно большими любителями поболтать среди морских жителей оказались дельфины. Уже создана солидная фонотека дельфиньих звуков — свиста, мяуканья, скрежета, треска кастаньет, завыванья и других. Многие из них уже расшифрованы. Дельфины способны к эхолокации, пеленгованию и распознаванию звуков, к восприятию световых сигналов и преобразованию их в акустические. Их система восприятия и генерации (производства) звука, их связь друг с другом, удивительная память и сообразительность представляют большой интерес для науки. Изучение *языка дельфинов* стало практическим делом многих научных лабораторий.

А вот еще один любопытный факт. Канадские и американские ученые долгое время исследовали жизнь тюленей, обитающих в водах холодных морей, и установили, что у каждого крупного стада существует свой особый язык. Ластоногие обитатели полуострова Палмер при обмене информацией используют в общей сложности двадцать один звук, а их сородичи в заливе Мак-Мёрдо — тридцать четыре звука. При этом тюлени, взятые из одного стада и переселенные в другое, быстро усваивали чужой диалект, но пользовались им только в новой среде. Когда же они возвращались в родные места, то снова переходили на родной язык.

Подобных наблюдений накоплено наукой уже множество. Но самые волнующие из них — это опыты с языком приматов. То, что обезьяны общаются друг с другом, ни у кого не вызывало сомнений. Но вот могут ли общаться человек и антропоид, можно ли научить животное человеческому языку — вот что издавна интересовало ученых.

После многочисленных, порой очень хорошо продуманных, даже изощренных, тонких опытов было установлено,

что естественные звуки приматов имеют врожденный характер и что развитие вокального обучения, осуществляемого людьми, у антропоидов тормозится на ранних этапах. Самое большое достижение в этом плане было достигнуто в эксперименте с обезьяной Вики, которую научили произносить по-английски слова *мама, папа, чашка* и *вверх.* Дальше дело не пошло, но «говорить», сообщать экспериментаторам о своих желаниях, Вики начала с помощью иного языка: чтобы, например, покататься на автомобиле, Вики приносила карточку с изображением автомобиля.

Это натолкнуло исследователей на мысль о том, что антропоидов следует учить не звуковому, а *жестовому языку*. В результате таких экспериментов шимпанзе по кличке Уошо научился строить целые фразы типа *достать одеяло, еще банан* и т. п. Когда же жесты были заменены фишками, имевшими символическое значение («банан», «тарелка», «положить» и др.), фразы стали еще более сложными. Наконец, был использован компьютер, на клавишах которого были обозначены различные виды пищи и действия, а также поощрения. Эксперимент с ЭВМ позволил вычислить долю речи в хаосе случайных нажатий клавиш, совершаемых обезьяной.

Все эти опыты вызвали ожесточенные споры ученых, не утихающие и в наши дни. Многим в глаза бросилось внешнее сходство предречевого общения ребенка с матерью и общение антропоида с человеком, но более внимательный и глубокий анализ показал, что существуют и принципиальные отличия между двумя этими видами «диалога». Споры о том, способны ли приматы «говорить по-человечески», пусть даже не словами, а с помощью иных знаков, продолжаются. Аргументов «за» и «против» множество. Два из них кажутся особенно интересными.

Австрийский исследователь Симмель задает вопрос: если антропоиды действительно способны обучаться человеческому языку, то почему они до сих пор не сформировали подобие речевого общения сами? Ведь это дало бы им огромный выигрыш в конкурентной борьбе. А ученый из ЧССР В. Стокол утверждает следующее: поскольку абстрактное понятие *язык* практически не поддается определению, то и вся дискуссия об обучении шимпанзе языку лишена смысла. Это мнение — аргумент ни «за», ни «против», но оно свидетельствует, что в споре ученых слово *язык* действительно употребляется в самых разных значениях. Это плохо, так как наука не может оперировать расплывчатыми понятиями. Видимо, в этой области наука еще не возвысилась, как это обычно бывает, над обыденными зна-

ниями и представлениями. А эти представления сводятся к тому, что, с одной стороны, обезьяны вроде бы говорят, по крайней мере, между собой (значит, у них есть язык), а с другой стороны, они не говорят с нами, не говорят, как мы (значит, у них не язык, а «язык»).

Не потому ли мы легко называем средства общения животных *языками животных,* но если нас спрашивают, сколько на земле языков, мы отвечаем — 2796, или 3500, или 4000 и всегда имеем в виду, что речь идет только о людях, только о естественных *человеческих языках.*

Человек ощущает и осознает и свою связь с животным миром, и свое резкое отличие от него. Но это соотношение в научном плане осмыслено еще не до конца, по крайней мере в интересующем нас языковом плане. Известный французский лингвист Ж. Вандриес полвека тому назад в книге «Язык» писал: «Когда говорят, что проблема происхождения языка не относится к языковедению, то это всегда вызывает удивление. Однако же это истина. Непонимание ее вводило в заблуждение большинство писавших о происхождении языка за последние сто лет. Главная их ошибка была в том, что они подходили к своей задаче со стороны лингвистической, смешивая происхождение языка с происхождением отдельных языков».

Замечательные слова! Подобно тому, как за каждым естественным конкретным человеческим языком стоят две исторические проблемы — происхождение данного конкретного языка и происхождение Человеческого Языка, представленного данным конкретным — русским, арчинским или любым другим из 2796 (на это и указывает Ж. Вандриес), за каждой системой средств общения человека и животного стоят две логические проблемы: что роднит язык человека с языком животных и что различает их. Эти проблемы тоже не относятся к языковедению, ими должна заниматься теория знаковых систем (семиология, или семиотика).

Род человеческий обладает языком как системой средств

передачи информации постольку, поскольку такой системой обладает все живое на Земле, ибо жизнь невозможна без информации, ее накопления, хранения, обработки и передачи. В этом смысле функционирует на нашей планете *язык* существующей на ней *жизни*. В процессе эволюции живого он «распался» на множество различных видов. Заняв высшую ступень на эволюционной лестнице, человек получил от природы свой *родовой язык*. Природа дала различным видам живого разные, но единые в своей жизненной сути средства информационного обеспечения. Их мы и обозначаем, невзирая на различия, словом *язык*.

Академику И. П. Павлову принадлежит, как известно, великая идея — различение первой и второй сигнальных систем. Первой сигнальной системой он называл воздействие конкретных раздражителей (свет, звук, боль) и их отражение в виде ощущений и восприятий. Эта система свойственна всему животному (а может быть, и всему живому) миру. Вторая сигнальная система — это условнорефлекторные связи, формирующиеся у человека при воздействии речевых сигналов, т. е. не непосредственно раздражителя, а его словесного обозначения.

Но еще в 1949 году ближайший ученик И. П. Павлова академик Л. А. Орбели высказал гипотезу о существовании промежуточных этапов между двумя сигнальными системами. В основе структуры второй сигнальной системы должна быть, по его мнению, не словесная речь как таковая, а возможность символизации, отвлечения от реальной действительности с помощью знаков как более высокой ступени приспособления по сравнению с условным рефлексом. Вторая сигнальная система, считают советские ученые И. Н. Горелов и Л. А. Фирсов, и словесная речь не тождественные понятия. Вторыми сигналами могут быть жесты, мимика, звуки, телодвижения, запахи, предметы и другие самые разнообразные средства, используемые для коммуникации. Подобный язык универсален: им пользуются и животные, и человек. Такой несловесный (невербальный)

Несловесный язык выстраивает в одну линию языки животных и язык человека

язык объединяет, выстраивает в одну линию *языки животных* (природы) и *язык человека*. Довербальным языком пользуются младенцы и антропоиды.

Итак, язык человека — лишь один из видов второй сигнальной системы. Но в то же время язык человека — каждый из 2796 языков — это *язык слов*. Слово — прежде всего звук. Однако слово-звук принципиально отличается от звуков животных, которые выше были поставлены в один ряд с жестом, мимикой и цветом. И это отличие дает основание вкладывать в понятие *язык* особое содержание и на этом основании отграничивать его от всех иных, даже самых развитых коммуникативных систем, используемых животными.

В чем же это отличие? Звучащее слово имеет сложную

внутреннюю структуру: его можно разложить на смысловые элементы, которые допускают относительно свободное комбинирование, сочетаются по определенным правилам. Эти элементы — морфемы, например: *пере-беж-чик, пере-нос-чик, до-беж-а-ть, под-нос* и т. п. В свою очередь каждая морфема разлагается на фонемы — звуковые единицы, не обладающие значением. Число фонем в языках мира относительно невелико, но они, комбинируясь, порождают все бесконечное разнообразие смысловых единиц языка — морфем и слов, из которых строится бесчисленное множество предложений, передающих неисчерпаемое богатство человеческой мысли. Ни один язык животных не знает такого двойного членения — на «пустые» фонемы и конструируемые из них значащие единицы.

Если под языком понимать коммуникативную систему с двойным членением, то нельзя не согласиться с французским лингвистом Э. Бенвенистом, который утверждал, что в применении к животному миру понятие *языка* используется только из-за смешения терминов и что лучшее название для коммуникативных систем животных — это *сигнальный код.*

Откажутся ли люди от того, чтобы называть средства коммуникации животных языками? Думается, что нет. Во-первых, для этого есть некоторое основание, во-вторых, трудно отказаться от укоренившейся привычки такого словоупотребления.

Есть и другие отличия *языка человека* от *сигнального кода* животных. Только на *языке* общающиеся ведут диалог, задавая друг другу вопросы. Только на *языке* возможно сообщение о *языке.* Только на *языке* может быть построено сообщение на основе других сообщений. Только на *языке* есть возможность передавать сообщение не только в пространстве, но и во времени. Только на *языке* осуществимо абстрактное мышление, позволяющее прогнозировать будущее. Только на *языке* можно рассуждать о сущности *языка* и его отличии от *сигнальных кодов.*

ТЫСЯЧА ЛИЦ ОДНОГО ЯЗЫКА

М. В. Ломоносов сравнивал язык с «едва пределы имеющим морем». Это сравнение верно и количественно, и качественно. Из материала языка можно построить бесчисленное множество предложений — речевых сообщений. Язык дает вместе с тем возможность чуть ли не бесконечно варьировать тон, стиль, манеру, окраску, оттенки, подтекст, форму сообщения. Добавим к этому и то, что слово не только служит уму, но и пробуждает живые образы и картины, эмоции в душе человека. Для одного *бродяга* — просто словесный знак с известным, но далеким от личного опыта значением. А для другого... Вот что оно означает, например, для поэта Д. Андреева:

Из шумных, шустрых, пестрых слов
Мне дух щемит и жжет, как зов,
Одно: *бродяга.*
В нем тракты, станции, полынь,
В нем ветер, летняя теплынь,
Костры да фляга.
Следы зверей, следы людей,
Тугие полосы дождей
Над дальним бором,
Заря на сене, ночь в стогу,
Посвистывание на лугу
С пернатым хором...

Мир слова богат, как реальный мир. И не случайно Н. В. Гоголь охарактеризовал язык фразой, ставшей крылатой,— *живой, как жизнь.*

А жизнь бесконечно разнообразна, и потому *живой язык* может быть еще и *веселым,* и *детским,* и *волшебным,* и *заумным,* и *суконным,* и *дипломатичным,* и *канцелярским,* и *бессмертным,* и *сухим,* и *авторским...* Вряд ли можно исчерпать список прилагательных, которые легко присоединяются к слову *язык.* А ведь есть еще существительные: *язык цифр, язык трепетной осторожности, язык вражды,*

язык любви, язык взгляда, язык лжи, язык родных полей, язык современной технологии и т. п. Ни одно из этих словосочетаний не придумано. Каждое из них можно «документировать». Вот несколько подтверждений из газетных текстов:

«Я убедился, что Вячеслав Александрович владеет языком, который доступен даже новорожденным,— так говорит об опытном детском враче писатель А. Алексин.— И на этом — совершенно особом — *языке трепетной осторожности,* полной доверительности и нежности, врач, именуемый микропедиатром, начинает внушать макромысли и макрочувства своим подопечным и подзащитным...»

«...*Язык современной технологии* и организации производства,— пишет в «Правде» профессор Б. Митин,— становится внятен студентам только при помощи специалистов-заводчан».

«Нам суждено сотворить великий и прекрасный союз между людьми всех рас и всех континентов... В этом движении русские, американцы и все другие нации не только защищают свои убеждения, они ищут общий язык — *язык мира и разума*». Это слова французского писателя А. Стиля.

«Цифры — *язык экономики*. Научиться не только понимать этот язык, но и свободно владеть им — необходимое условие для каждого руководителя» и т. д.

Вряд ли у кого-нибудь возникнет сомнение в том, что речь идет о важных предметах. Но вместе с тем никто не станет всерьез утверждать, что в нашей стране наряду с русским, белорусским, эстонским, таджикским и другими подобными языками есть еще *языки цифровой, студенческий* и *трепетный,* а также *язык разума, язык экономики* и под.

Почему же мы и в этом случае так легко обращаемся со словом *язык,* расширяя чуть ли не до бесконечности его значение? Не отступаем ли мы от разумного требования, которое сформулировал еще Алексей Максимович Горький:

«...Слова необходимо употреблять с точностью самой строгой»?

Правильный ответ на эти вопросы мы найдем в том случае, если вдумаемся в природу речевого общения, в функции и возможности языка. Язык и речь пронизывают каждую «клеточку» нашей жизни. Они неотделимы от мыслей и чувств людей, их поступков и целей, знания и незнания, опыта и намерений. И потому речь наша, т. е. использование языка, тесно переплетена с поведением. Это дало основание ученым говорить даже о *речевом поведении человека.*

«Наложение» языка на поведение, отражающееся в речи, позволяет нам, говорящим, переносить свойства, особенности, признаки наших поступков, целей, задач, характеров, умов на инструмент, с помощью которого мы решаем свои задачи, на средство общения, отражающее внутренний и внешний мир человека. Поэтому нет «просто языка», или, как написал Расул Гамзатов, «нет просто слова. Оно либо проклятье, либо поздравление, либо красота, либо боль, либо грязь, либо цветок, либо ложь, либо правда, либо свет, либо тьма». И вот ложь и правда, боль и красота, свет и тьма наших поступков и дел начинают говорить *языком лжи* и *языком правды, языком мира* и *языком вражды.*

Цели, к которым мы стремимся, заставляют нас искать нужные языковые средства. «У несчастных один язык, у счастливых другой»,— утверждал римский писатель Гай Плиний младший, имея в виду, конечно, то, что для выражения горя годны одни слова, а счастья и радости — другие. Если мы хотим установить дружеские отношения, мы будем стремиться говорить на *языке дружбы.* Если нужно передать точную экономическую информацию, прибегаем к *языку цифр, языку статистики.* Когда возникает необходимость написать заявление, ищем слова и обороты из *канцелярского языка.* А для выражения лирического настроения обращаемся к *языку поэзии.* А. П. Чехов пишет в рас-

сказе «До́ма»: «...Цепляя фразу к фразе и *подделываясь под детский язык,* Быковский стал объяснять сыну, что значит собственность».

Ситуации подобного рода повторяются бесчисленное число раз. Если связи между целями общения и средством общения становятся устойчивыми и общественно значимыми, то в рамках национального языка постепенно формируются его варианты, функциональные разновидности. Некоторые из них, особенно заметные и важные, получили общее название *социальных диалектов,* или *социолектов* (сравните с *территориальными диалектами*).

Социолекты всегда у́же, как бы меньше *национального языка.* Их можно поэтому назвать *подъязыками,* или, если хотите, *субъязыками,* чтобы не путаться в одинаково звучащих выражениях *подъязык* и *под язык.*

При строгом подходе они не должны были бы называться языками, ибо таких языков нет. Но метафоричность нашей речи, нестрогость (в отличие от науки) обыденного употребления слов дают возможность говорящим обозначать различные *субъязыки* все тем же словом язык.

Социолекты исключительно разнообразны. Мы говорим о *языке науки, пропагандистском языке, языке биологии* и *языке математики.* Существует возрастной *язык молодежи* (так называемый *молодежный жаргон*) и профессиональный *язык врача.* Человек сталкивается с *языком документации* и *языком писателя* (*язык М. Е. Салтыкова-Щедрина,* утверждают литературоведы, не похож на *язык А. П. Чехова*). Каждому ясно, что *язык Льва Николаевича Толстого* богаче *языка Пети Петрова,* ученика пятого класса. Значит, у Пети Петрова пока еще *бедный язык.*

Корней Иванович Чуковский считал, что если *канцелярским языком* (например, *осенний период времени* вместо *осень* или *лесной массив* вместо *лес*) пользоваться в обыденном повседневном общении, то это будет уже не разговорный вариант русского *литературного языка,* а канцелярит — *больной язык.*

Язык Льва Николаевича Толстого
ЯЗЫК Толстого
ЯЗЫК Чехова
богаче языка Пети Петрова
2

Кстати, русский *литературный язык* — это тоже социолект, так как он у́же русского *национального языка.* Но литературный язык — не рядовой, не обычный социолект, а высшая форма национального языка. Вместе с тем это и общенародная форма национального языка (в отличие от любого другого социального и территориального диалекта). Сфера его распространения тем шире, чем образованнее народ. В средней школе обязательным предметом является именно литературный (русский, белорусский, армянский или другой) язык, а не русский рязанский или псковский, молодежный или инженерный.

В свою очередь в литературном языке имеются свои субъязыки, называемые *стилями.* Стили своим происхождением обязаны сферам общественной жизни, которые они призваны обслуживать. Так, сферу обыденной, повседневной жизни обслуживает *обиходно-разговорный стиль.* Для сферы деловой, производственной предназначен *официально-деловой стиль.* Эстетическое освоение действительности средствами словесного искусства породило *художественный стиль.* Научное познание мира привело к появлению *научного стиля.* За сферой воздействия человека на человека (общества на человека) закреплен *ораторско-публицистический стиль.* В рамках каждого из пяти основных стилей существует значительное количество «подстилей» и «подподстилей».

Если человек хорошо овладел стилями литературного языка, творчески использует их, то у него вырабатывается свой, *индивидуальный стиль* речи. Вот тогда мы и говорим с восхищением о *языке Ленина, языке Горького, языке оратора* и т. п. А в противном случае свои оценки высказываем словами *серый язык, казенный язык, грубый язык, канцелярит, жаргон* и под. И уж совсем с возмущением мы воспринимаем *язык вражды, язык обмана, язык угнетения.*

Примером последних может служить результат «стилистических упражнений» профессора экономики одного из американских университетов Роберта Торнтона, составив-

шего «Словарь рекомендаций со скрытым смыслом». «По моему мнению, Вам очень повезет, если Вы примете этого человека к себе на работу». Казалось бы, рекомендация положительная и исчерпывающая. Но только для несведущих. В расшифрованном виде эта фраза означает, что податель характеристики как раз не блещет способностями и на работу его принимать не следует. Ключом к шифру и служит система Р. Торнтона. По иронии судьбы или по умыслу создателя «Словаря рекомендаций со скрытым смыслом» первые буквы английского названия этого «труда» образуют слово LIAR, что означает «ложь». Жертвой обмана становится уволенный, которому на руки дается характеристика-перевертыш.

Особо нужно сказать о таких выражениях, как *язык жестов, язык взгляда, язык молчания.* У азербайджанского поэта Наби Хазри есть такие строки о старом друге, ставшем врагом:

Глаза мои пылают гневным пламенем.
Ты смотришь равнодушно — что с того?
Тогда ты все умел *сказать молчанием,*
Теперь и речь не скажет ничего.

Не означает ли умение *сказать молчанием,* что есть и *язык молчания?*

А *язык взгляда?* Кто не замечал, что по выражению глаз можно понять эмоциональное состояние собеседника, что с помощью взгляда человек способен выразить одобрение и возмущение, вопрос и несогласие, душевное расположение и безразличие? Начав изучать этот «язык», ученые обнаружили много интересного. Например, то, что шведы, разговаривая, смотрят друг на друга больше, чем англичане. Что японцы при разговоре смотрят «на шею собеседника», ибо прямой взгляд в лицо, по их мнению, невежлив. Что уже с шестимесячного возраста девочки «глазастее» мальчиков и с возрастом это различие увеличивается — женщины чаще смотрят на собеседника, чем мужчины.

Жесты животных были ранее отнесены нами к сигнальным кодам. Но ведь жестикулируют и люди. Правда, представители каждого народа по-своему, с разной энергичностью. Английский психолог М. Аргайл утверждает, что за один час беседы мексиканец делает 180 жестов, француз — 120, итальянец — 80, финн — 1, а англичанин ни одного. При этом все они пользуются и словом, в отличие, скажем, от некоторых североамериканских индейских племен, члены которых могли «разговаривать» целыми днями, не проронив ни единого слова.

Журналистка В. Смирнова рассказала в журнале «Вокруг света» такую историю. Люди, знающие Италию, утверждают, что, если вы говорите только на одном языке — том, что выучили по учебнику, итальянцы вас не всегда поймут или во всяком случае поймут не до конца.

Одного иностранца спросили в итальянском ресторане, понравились ли ему блюда. Иностранец (то был уроженец одной из северных

стран) отвечал, что, мол, все было превосходно. При этом руки его спокойно лежали на столе.

— Что, не понравилось? — с беспокойством спросил официант. Какой-то человек из-за соседнего столика повторил вопрос по-английски. Северянин ответил и на этом языке, что все было очень вкусно.

— Отлично! — перевел на итальянский для официанта сосед северянина, но при этом крутанул указательным пальцем правой руки у щеки.

— Но ведь я только что сказал то же самое! — удивился гость с Севера. Настала очередь удивляться официанту.

— Вы, синьор? Вы сказали то же самое? Но ведь вы же молчали! — и он выразительно взглянул на руки иностранца.

Да, в Италии говорят по-итальянски. Это факт. Но этот факт не полон, ибо говорить по-итальянски еще не значит просто пользоваться языком Данте. Надо владеть еще одним итальянским языком — *языком жестов,* известным каждому итальянцу с детства.

Жестикуляция представляет значительный научный интерес. Ее изучению посвящено немало книг и статей, а сравнительно недавно был создан проект «Словаря русских жестов».

Важная роль в общении между людьми отведена интонации. Существует утверждение, что интонация в целом несет в себе до сорока процентов информации, содержащейся в речи. Бернард Шоу говорил, что написать *да* можно лишь одним способом, произнести же, придавая этому слову каждый раз иной смысл,— на пятьдесят различных ладов. А русский актер М. А. Чехов, отметив, что слово человека имеет смысл и звук, вывел такое «правило»: слушайте смысл, и вы не узнаете человека; слушайте звук, и вы узнаете человека.

Мимика, жест, интонация — очень древние способы передачи информации. Не случайно их используют и животные, и не просто отдельные звуки и жесты, а целые сигнальные коды. Вот что писал по этому поводу Ч. Дарвин: «Страстный оратор, певец или музыкант, которые своими разнообразными звуками или модуляциями голоса возбуж-

дают самые сильные эмоции в своих слушателях, едва ли подозревают, что пользуются теми же средствами, которыми в очень отдаленной древности его получеловеческие предки возбуждали друг у друга пламенные страсти во время ухаживания и соперничества».

В науке о языке различают основной, лингвистический канал передачи сообщения (сло́ва, предложения и их смысл) и канал дополнительный, паралингвистический (т. е. находящийся рядом с лингвистическим). Вот этот дополнительный канал и образуют жесты, мимика и интонация. Они находятся в подчинении у слова и могут быть охарактеризованы как *паралингвистические компоненты* естественного человеческого — словесного —языка.

О ТОМ, ЧТО НЕЛЬЗЯ РАССКАЗАТЬ СЛОВАМИ

В июне 1987 года в Москве состоялась выставка «Лицом к лицу: фотопортрет народов СССР и США». Рассказывая о ней, одна из наших газет поместила заметку, в которой говорилось, что каждый из фотощитов нес богатейшую информацию о жизни народов двух стран, причем *язык образов* был понятен всем и не требовал перевода на русский или английский языки.

Здесь мы сталкиваемся еще с одним контекстом употребления слова *язык*. При этом *язык образов* прямо противопоставляется настоящим языкам — русскому и английскому.

Язык образов — это язык искусства. Он существует в нескольких разновидностях, например: *язык кино, язык музыки, язык архитектуры, язык живописи, язык танца* и т. д. Действительно, перевод с них на словесный язык не всегда возможен. «Кино — это то, что нельзя рассказать»,— утверждает французский режиссер Рене Клер. Но разве можно «рассказать» музыку, перевести на *язык слов* картину,

скульптуру, полет балерины? Ведь «перевести» — значит «заменить». Но замена в искусстве и замена искусства невозможна. «Если бы все, что происходит в душе человека, можно было бы передать словами, музыки не было бы на свете»,— писал русский композитор А. Н. Серов.

Великую силу воздействия искусства на человека подметили еще в глубокой древности. В «Гомеровских гимнах» так говорится о сущности и роли музыки:

> ...Кто искусно и мудро
> Лиру заставит звучать, все приемы игры изучивши,—
> Много приятных для слуха вещей он узнает чрез звуки...

Что же и как мы узнаем «чрез звуки» и краски, формы и движения человеческого тела? Какова природа этих *языков искусства?* Чем они отличаются и в чем сходны с *языком слов*?

«Если ты хочешь наслаждаться искусством, — писал Карл Маркс,— то должен быть художественно образованным человеком». Художественно образован музыкант, живописец, скульптор, танцор, ибо каждый из них легко и свободно говорит на *языке искусства.* Они владеют им профессионально. Ну, а мы — зрители и слушатели? Думается, что и нам полезно и даже необходимо знать этот язык, ведь произведение искусства живет только тогда и только в той мере, когда оно воспринимается другим человеком, когда его язык воспринимают и понимают.

Все знают, что в музыке — будь это колыбельный напев или симфония — прежде всего должна быть *мелодия,* основной носитель музыкальной мысли, художественной идеи. Даже музыкально не искушенное ухо прежде всего стремится уловить в произведении мелодическую тему, мотив, напев. Мелодия — основной элемент языка музыки.

Ни одна мелодия не может существовать вне *ритма,* т. е. чередования во времени протяжных и коротких звуков. Мелодия с характерным для нее ритмом может быть обогащена *гармонией* — сочетанием иных звуков со звука-

ми мелодии, и тогда нам слышны *аккорды,* а не отдельные звуки. В музыкальном языке есть еще ряд понятий, отражающих различные средства музыкальной выразительности, например, *лад, метр, регистр, тембр, динамика, артикуляция, полифония* и т. д. Таким образом, говоря о *языке музыки,* мы имеем в виду сложную систему выразительных средств, основанных на звуке, звучании. Многое в этих звуках и звучаниях представляет собой развитие элементов разговорной речи (мелодика, интонация, ритм, тембр) и природных звуков.

Многое в музыке как бы заимствовано из человеческой звучащей речи, но кроме основного — слова. В этом одна из причин того, что *язык музыки* понятен всем, интернационален, ведь слова у разных народов различны, а чувства и мысли схожи.

Но язык музыки вместе с тем и близок языку слов (есть даже выражение *музыка слов*). Вот как об этом рассказал замечательный советский писатель А. Платонов. Герой его повести «Ювенильное море» инженер Вермо ненавидел «всех врагов творящих и трудящихся людей» и создавал музыку, «заключавшую надежду на приближающийся день жизни, когда последний стервец будет убит на земле... Поэтому его музыка была проста и мучительна, близкая по выразительности к произношению яростных слов».

И *язык кино* — это тоже система выразительных средств. Однако в эту систему входят иные, нежели в музыке, элементы, так как искусство кинематографии основано на движущемся изображении в сочетании со *словом* (но было когда-то и «немое кино»), *звуком, цветом, формой, ритмом, временем,* которое в кино может сжиматься и растягиваться. Кроме того, у кино есть еще *кадр, мизансцена, киномузыка, динамичная камера, кинометафоры* и *символы, декорации* и *костюмы, монтаж* и многое другое. Все эти средства языка кино и позволяют создавать целостный художественный образ, воспринимаемый зрителем.

Интересно, что по отношению к кино (как и к естест-

венному языку) предпринимались попытки разложить кинотексты на исходные элементы и создать «грамматику кино». Выходили даже книги с таким названием: в 1935 году — «Грамматика кино» Р. Споттисвуда, в 1954 — «Грамматика кино» Ж. Роже. Авторы таких книг сосредоточивали свое внимание на проблемах «кинописьма»: перечисляли типы движения кинокамеры, разновидности кадров, классифицировали монтажные стыки и т. д., то есть пытались создать нечто вроде «кинолингвистики».

Ну, а знаете ли вы, что такое *ордер, капитель, антаблемент, архитрав, фриз* и *карниз, триглиф* и *метоп, абака* и *эхина*? Это термины не музыки и не кино. Это — *язык архитектуры*. «Классическая архитектура, собрав все силы, медленно отжимает свою тяжесть от земли и держит ее на собственных плечах (снова атланты!),— читаем в книге А. Гутнова «Мир архитектуры». — Новая архитектура стремительно поднимает свой вес и легко несет его на высоко поднятых руках. Ей незачем *рассказывать* о том, как она это делает. Она это *показывает»*. Видите: архитектура *рассказывает* и *показывает*. У нее тоже свои выразительные средства — линия, объем, форма, функция, материал.

И так в любом виде искусства. Творцы художественных произведений стремятся передать нам свою мысль, свои чувства и переживания, свой эмоциональный настрой. В отличие от идей, мыслей передать напрямую чувства невозможно. Можно или обозначить их словами, или — что и рождает искусство — возбудить в другом человеке такие же чувства. Вот тут и приходит нам на помощь *язык искусства,* т. е. система средств, используемых в особой — эстетической — сфере деятельности человека. Эти средства дают возможность передавать информацию в виде художественных образов — музыкальных, хореографических, живописных, архитектурных и других.

Язык искусства находится в постоянном развитии, непрерывно обогащается и усложняется. Он использует любые природные материалы (глину, камень, дерево и даже

лед), продукты человеческого труда (ткани, краски, искусственные материалы, бытовые предметы), самого человека (его голос, мышцы, движения, характер), законы естественных наук и т. д. *Язык искусства* нельзя увидеть вне произведения искусства, нельзя собрать в словарях и грамматиках. Он не знает национальных границ, является универсальным, общечеловеческим и... искусственным, то есть придуманным, преднамеренно выработанным для эстетических целей. Это *язык образного мышления.* Такое мышление не довольствуется первичным воссозданием реальной действительности, ее, как говорят, моделированием, которое достигается с помощью естественного языка. Образное мышление стремится вторично смоделировать мир — перенести его в наше сознание в виде художественных образов, словно бы продолжающих реальную действительность.

Язык искусства — это *вторичная моделирующая система.* В этом его отличие от *естественного языка,* языка слов, представляющего собой *первичную моделирующую систему.*

Будем помнить об этом различии, но сохраним за искусством — величайшим созданием человеческого гения — его право на термин *язык.*

ЯЗЫК, КОТОРОГО ЕЩЕ НЕТ

ИГРЫ «В ЯЗЫК» И БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫЕ ДЕЛА

Всякая наука начинается с наблюдения. Она изучает вначале то, что есть. Созерцательный этап в развитии науки может длиться весьма долго, но раньше или позже наступает момент, когда наука становится созидательной. Химия синтезирует новые, не известные природе вещества; биология приходит к генной инженерии; астрономия и космонавтика создают искусственные спутники планет солнечной системы и т. д. Такое превращение пережила (или точнее: продолжает переживать) и лингвистика.

До XX века лингвистика в основном изучала прошлое естественных языков, затем заинтересовалась их настоящим, а со второй половины нашего века — их будущим.

Попытки конструировать языки или перестраивать существующие предпринимались, конечно, и раньше. Будут продолжаться они и впредь. Поэтому есть основание поставить вопрос о *языке, которого еще нет.*

Зачем все это делается? Ответ и сложен, и прост. Прост потому, что всегда можно сказать: человек занимается изобретательством тогда, когда к этому его побуждает обще-

ственная практика, новые потребности, которые старыми способами и средствами удовлетворены быть не могут. А сложен потому, что простой, но общий ответ нас не удовлетворяет.

Потребности человека бывают разные. Для удовлетворения одних иногда достаточно игры, шутки, для других необходимы годы напряженного изобретательского труда. Об одной такой игре «в язык» рассказала однажды «Литературная газета». В ней, на последней, юмористическо-сатирической странице, была опубликована лингвистическая сказка Л. Петрушевской «Пуськи бятые»:

«Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку. И волит:

— Калушата, калушаточки! Бутявка!

Калушата присяпали и бутявку стрямкали. И подудонились. А Калуша волит:

— Оее, оее! Бутявка-то некузявая!

Калушата бутявку вычучили. Бутявка вздребезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки. А Калуша волит:

— Бутявок не трямкают. Бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся.

А бутявка волит за напушкой:

— Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!»

Поняли ли вы, о чем тут рассказано? Думаю, что вполне. И даже сможете перевести сказку на русский язык, например, так: Топала Калуша по опушке и увидела козявку. И говорит...

Перевести на русский, но с какого языка?

Конечно, с русского же, ибо потому мы и понимаем этот текст, что он построен по правилам русской грамматики и стилистики. Сказка, придуманная Л. Петрушевской, ничем в этом смысле не хуже и не лучше какой-нибудь фразы из научного текста, например: «Ихтиофауна подвергается токсикации, провоцирующей гидрологическую деформацию биогенного режима». Здесь тоже много непонятных, новых

для нас с вами (но не для гидробиолога) слов, спрягаемых и склоняемых по-русски. Эти слова — специальные, научные термины. Они составляют то, что нередко называют *языком науки.* Формирование этого языка — важнейшая задача ученых.

Но для сказки «Пуськи бятые» все эти *сяпать, зюмо, кузявый, бутявка* и другие придуманы веселым человеком, и потому вся сказка не что иное, как шутка, игра в языковое изобретательство. В такую игру любят играть и дети, и взрослые.

В лингвистических играх так или иначе отражено стремление человека к созданию *языка, которого еще нет,* то ли ради шутки, то ли для того, чтобы выразить необычные мысли, то ли затем, чтобы скрыть от окружающих, зашифровать смысл сообщения. А вот в сказке «Рони, дочь разбойника» Астрид Линдгрен (кто не помнит ее Карлсона, который живет на крыше!) таким изобретательством достигается эстетический, художественный эффект. Девочка Рони потеряла одну лыжу и провалилась ногой в снег, неожиданно попав на жилище лохматых тюх (чем эти *тюхи* хуже *Калуши* и *бутявки*?), которые жили в домике под снегом. Тюхи были очень недовольны и ворчали:

— Почемуханцы онаханцы этоханцы сделалаханцы? Сломалаханцы нашуханцы крышуханцы!

А потом они повесили люльку на ногу, торчавшую из крыши их дома, и радовались на своем, конечно, *тюхском языке:*

— Нашаханцы малюточкаханцы хорошоханцы виситханцы! Люлькаханцы качаетсяханцы!

Подобный язык изобретали школьники всех поколений. Правило тут простое: нужно добавить к каждому слову (как делали лохматые тюхи) или к каждому слогу какое-

нибудь сочетание звуков, и новый, *тайный язык* готов. Например:

В *шилешису широшидишилась шиёшилочшика*,
В *шилешису шиошина широшисла*.

Произнесите это вслух, и не каждый сообразит, что *в лесу родилась елочка, в лесу она росла.* Я специально взял слог *ши,* потому что такой игровой язык, видимо, действительно существовал. О нем упоминал выдающийся советский языковед Е. Д. Поливанов: слово *шиворот,* считал он,— это осколок школьного *ши-языка* (в отличие от синонима *ворот*).

Создание шифра, тайнописи может быть и серьезным делом. В середине XIX века шифровальной лихорадкой заразилась вся Америка. Был ею болен и писатель Эдгар По. Он изучил все, что мог, о криптографии (тайнописи) и в 1840 году опубликовал статью, в которой доказывал, что неразгадываемых шифров нет и быть не может. К нему посыпались письма с криптограммами (тайнописными текстами), и он разгадал все, кроме одного. И то потому, что это письмо было, как оказалось, бесмысленным набором букв. Интерес Эдгара По к криптографии отразился в его рассказе «Золотой жук», построенном на разгадке шифрованной записи пирата Моргана.

Криптограммы использовали в своих произведениях многие писатели — Жюль Верн, Оноре де Бальзак, Конан Дойль. В рассказе Конан Дойля «Пляшущие человечки» изобретен, как вы помните, тайный алфавит, каждая буква которого была фигуркой человека в определенной позе. Шерлок Холмс разгадал этот шифр. А вот интересно, сколько времени ему понадобилось бы, чтобы разгадать секрет тайнописи, которой пользовались мои друзья и я, когда мы учились еще в школе. Писали же мы друг другу так:

Не знаю, кто придумал этот «язык», но тайны наши он хранил хорошо. Устройство его было простым: каждая буква или поворачивалась определенным образом

(ь — d, ч — h, с — ɔ),

или видоизменялась

(я — ᑫ, т — +),

или делилась на части, которые переставлялись

(в — 3I, м — 1ʌ, з — ꙅ, о — ꭓ).

То, что зашифровано несколькими строчками выше означало:

встречаемсязавтра
настаромместевдесять

Конечно, в подавляющем большинстве случаев тайнописи никакого *нового языка* нет. Есть система знаков, которыми оформляются предложения.

Известны случаи, когда звуковая речь кодируется, шифруется другим звуком — свистом, «писком» азбуки Морзе и т. п. В истории Африки большую роль играл *язык тамтамов* — говорящих барабанов. Созданные многие столетия назад, они сохранились до наших дней без изменений. Искусство игры на говорящих барабанах передавалось из поколения в поколение. В рассказах тамтамов содержатся уникальные сведения о различных сторонах жизни доколониальной Африки. Сегодня возникла даже специальная отрасль знания — драмология (в переводе с английского и латыни — наука о барабанах), цель которой, по мнению ее основоположников буркинийского писателя Пасере Титинга и профессора кафедры этносоциологии Абиджанского университета (Кот-д'Ивуар) Жоржа Ньяндоран-Буа, состоит в том, чтобы заполнить некоторые пробелы в истории африканского континента.

Расскажем об одном случае, когда для сокрытия передаваемой информации использовался в качестве шифра естественный язык. Это было во время второй мировой войны. Гитлеровская служба радиоперехвата записала долгий разговор связистов противника. Но язык, на котором переговаривались связисты, был настолько труден, что даже записать его латинскими буквами удалось лишь с большим трудом. Полученный текст не поддавался дешифровке. И только много лет спустя, после войны, стало известно, что за «тарабарщину» перехватили гитлеровские радисты. Оказалось, что по совету ученых для передачи приказов и других секретных военных сведений был использован язык крохотного индейского племени, неизвестный, разумеется, немцам. Два радиста-индейца переводили с

английского на свой родной язык и обратно. Текст на индейском языке и фиксировали фашисты. Ученые, давшие военным этот «шифр», гарантировали, что для установления смысла радиопередачи дешифровщикам понадобятся десятилетия.

Описанная история хорошо иллюстрирует ситуацию, когда люди стремятся прибегнуть к особому языку, необходимому для специальных целей. Получить такой язык можно разными путями. Можно зашифровать сообщение на естественном языке — английском, русском, китайском и т. д. Можно без шифра использовать какой-либо редкий естественный язык, известный ограниченному кругу людей. Но можно и придумать, создать *новый язык*.

Последняя идея приходила в голову человеку, видимо, не раз. Об этом свидетельствует, в частности, художественная литература. Вспомним Гулливера, которого Дж. Свифт заставляет то вслушиваться в *лапутский язык*, то овладевать языком разумных говорящих лошадей — гуигнгнмов. Вот что пишет Дж. Свифт об этом языке: «Произношение у гуигнгнмов — носовое и гортанное; из всех известных мне европейских языков язык гуигнгнмов больше всего напоминает верхнеголландский или немецкий, но он гораздо изящнее и выразительнее».

В «Истории одного города» о *новом языке* упоминает М. Е. Салтыков-Щедрин. В 1815 году, рассказывает писатель, приехал на смену Иванову, градоначальнику города Глупова, виконт Дю-Шарио, французский выходец. С его появлением развращение нравов стало развиваться не по дням, а по часам. Образовался даже *новый язык*, получеловеческий, полуобезьяний, но во всяком случае вполне негодный для выражения каких бы то ни было отвлеченных мыслей.

И в реальной жизни возникают языки, создатели которых преследуют далеко не самые благородные цели. Както газеты сообщили, что в Италии начался судебный процесс над группой преступников — членов мафии. Судьи

столкнулись с неожиданным препятствием: они совершенно не понимали языка, на котором говорили обвиняемые. Пришлось им воспользоваться услугами специального переводчика с *мафиози-языка*. Им стал преподаватель университета города Катания языковед-социолог С. Каренти. Во время судебного процесса он пояснял судьям, о чем идет речь. На каком же языке говорили гангстеры? На искусственно созданном жаргоне, предназначенном для общения только между членами преступного клана. Тут уж, как видим, не до языковых игр и лингвистических шуток.

О трагических обстоятельствах изобретения языка повествуется в рассказе немецкого писателя В. Кольхаазе. Рассказ так и называется — «Изобретение языка».

Апрель 1944 года. Фашистский концлагерь. Юноша Страат, студент из Голландии, обречен на смерть, как и его друзья. И вдруг невероятный случай дарит ему надежду. Один из лагерных садистов, фашист и мучитель заключенных, надсмотрщик Баттенбах хочет выучить персидский язык, чтобы после войны заняться торговлей в Персии. Побуждаемый этой надеждой Страат вдруг, неожиданно для самого себя, заявляет Баттенбаху, что он знает персидский язык. Ради спасения жизни (а теперь к постоянному ожиданию смерти в каменоломне прибавилась угроза погибнуть за обман Баттенбаха) Страату приходится выдумывать *язык, которого нет*.

И вот первый урок. Баттенбаху не терпится выучить несколько самых важных слов: *водка, полиция, спасибо, пожалуйста, стол, стул, кровать, пивная, котлета*. Страату нельзя запинаться, тем более в первый день. И он называет по порядку: *алан, монато, лапс, нам, токи, сол, олток, рунидам, котлет*. Это последнее — международное слово, поясняет Страат. Баттенбах тщательно записывает.

Страат работает над языком ночами. Он переставляет слоги и буквы, так возникают слова. В свой язык он включает и дьявольские устройства фашистов, придуманные специально для лагерей смерти. И вот *крематорий, арест* и *барак, каменоломня* и *колючая проволока* превращаются в «персидские» *торий, рема, матори, кемато, аре, бара, менол, олом, кар, лючи, овол*...

Язык Страата служит одному Баттенбаху. Никому он не принесет ни доброй ни злой вести. Создан он ради спасения от смерти своего творца.

Страат репетирует с Баттенбахом: Я иностранец.— *Та мули аса оказир*. Я коммерсант.— *Та мули лем базармелко*. Разрешите пригласить даму на танец? — *Нели та рамадамда донга?..*

Закончится война. Страат вернется домой — один из шести арестованных вместе с ним товарищей. А Баттенбах поедет в Персию и будет удивляться *странному языку*, на котором там говорят...

Все эти истории (если отвлечься от их конкретного содержания) свидетельствуют об одном: человек не только пользуется готовым языком, но и стремится создать новый, невиданный язык. И делает он это с самыми разными

целями — иногда ради шутки, игры, а иной раз — чтобы спасти свою жизнь.

Все только что рассказанные истории — лишь отдельные, частные случаи изобретения языков. Настоящее лингвистическое конструирование — общественно значимая, трудная, но многообещающая работа — начинается тогда, когда за создание нового языка принимается наука.

ПОГОВОРИ СО МНОЙ, МАШИНА!

В науку нельзя проникнуть иначе, как через дверь языка. Эти слова, принадлежащие великому испанцу Мигуэлю де Сервантесу, автору бессмертной книги «Дон Кихот Ламанчский», оказались пророческими. Проблема языка стала и продолжает оставаться одной из центральных проблем науки, человеческого познания, интеллектуальной работы в целом.

Наука — это прежде всего получение новых знаний. Знания должны быть выражены, зафиксированы, сохранены, переработаны, приумножены, переданы и использованы. Все это недостижимо без использования языка. Первоначально для этих целей обращались к языку естественному, с течением времени все более приспосабливаемому к нуждам науки и техники.

Почему приспосабливаемому? Потому что естественный язык обладает не только достоинствами, но и недостатками (правда не абсолютными, а лишь с позиций определенных требований к нему при решении ряда практических задач). Вот один из них.

В течение многих веков существования письменности для записи алгоритмов (т. е. строгой последовательности шагов при решении определенной задачи) не было каких-либо специальных правил: математические предписания выглядели так же, как и другие тексты. Пока исполните-

лем алгоритмов был человек, к тому же еще специально обученный, это не приводило к большим трудностям. Вот как, например, описывал одну из команд решения неполного квадратного уравнения живший в VIII—IX веке среднеазиатский математик, географ и астроном Абу Абдулла Мухаммед бен Муса аль-Маджус аль-Хорезми («потомком» слова *аль-Хорезми* является сам термин *алгоритм*): «Знай, что если в этой главе ты раздвоил число корней и умножил его на равное ему и произведение оказалось меньше числа дихремов, сложенных с квадратом, задача невозможна». Громоздкость и оттого не очень большая понятность этого математического выражения очевидны. Математик может догадаться, что речь идет об отрицательном дискриминанте, при котором уравнение не имеет корней. Но подобных догадок наука не любит.

Словесная запись (в математике, в частности) постепенно была заменена записью формульной. Это достижение человеческой мысли так оценивал гениальный русский математик Н. И. Лобачевский: «Чему, спрашиваю я, одолжены своими блистательными успехами в последнее время математические и физические науки, слава нынешних веков, торжество ума человеческого? Без сомнения, *искусственному языку* своему, ибо как назвать все сии знаки различных исчислений, как не особенным, весьма *сжатым языком,* который, не утомляя напрасно нашего внимания, одной чертой выражает обширные понятия».

Формульные записи оказались очень удобными не только в математике, физике или химии — естественных науках, но и в такой гуманитарной области знания, как логика. Их придумал для нее в середине XIX века англичанин школьный учитель математики Джон Буль. Так появилась символическая логика. Новый *логический язык* позволил получить огромное приращение научных знаний.

Искусственные *символические языки,* хотя и являлись качественно новыми инструментами познания, не были полностью отличными от языков естественных. В них лишь

в высокой степени была воплощена важнейшая особенность любой знаковой системы (включая естественный язык) — символичность. Что такое *x, y, z* в алгебре? Символы величин. Что такое наши слова? Тоже символы — вещей, свойств, понятий. Что такое правила грамматики, грамматические формы? Опять же символы очень общих понятий, истоки которых подчас и отыскать уже невозможно в реальной действительности (попробуйте, например, логически объяснить, почему *город* — существительное мужского рода, *деревня* — женского, а *село* — среднего).

Какие же недостатки естественного языка препятствуют его использованию в интересах науки и техники? Первый из них нами был уже отмечен. Это громоздкость словесных формулировок в отличие от краткости формульных записей.

Второй заключается в зависимости синтаксиса от семантики. Что это означает? Говорящий хочет передать другому человеку некое сообщение (смысл, значение, семантика). Для этого он создает, строит предложение (синтаксис). Слушающий воспринимает предложение и понимает его, т. е. извлекает скрытый в нем смысл. Так происходит общение между людьми. Когда же естественный язык был использован для диалога с ЭВМ, то обнаружилось, что компьютер не понимает предложение так, как понимает его слушающий (читающий) человек, так как машина не обладает человеческим опытом и человеческим знанием языка. Строя, например, предложения *Он видел коня* и *Он отсутствовал день* (а не *дня,* как *коня*), человек определяет синтаксическую структуру предложения, исходя из семантических знаний (*конь* — существительное одушевленное, *день* — неодушевленное, *видеть* — глагол переходный, *отсутствовать* — непереходный). Машина же этого не знает, она требует, чтобы синтаксис не зависел от предшествующего общению знания семантики.

С этих же позиций недостатком предложений естественного языка должна быть признана их неоднозначность.

Если вы скажете человеку, не знакомому с ситуацией, *Отец Павла из деревни приехал*, то он вполне резонно может вас переспросить: *отец приехал из деревни* или *Павел (родом) из деревни?* Такого рода двусмысленности недопустимы тогда, когда необходимо говорить ясно и точно.

Особенностью естественного языка является и то, что некоторые его предложения содержат в себе парадокс. Примером может служить фраза *Все жители моего села лжецы.* Если это утверждение истинно, то сам говорящий (а он ведь тоже житель этого села) не лжец. Но это противоречит его утверждению. Если же оно ложно (на самом деле *Все жители села не лжецы),* то говорящий оказывается лжецом. Ясно, что подобные противоречия не должны иметь места в научных построениях, но естественный язык не позволяет от них избавиться.

Можно указать и на другие особенности естественного языка, препятствующие его непосредственному использованию в научных и технических целях. Это, в частности, зависимость смысла предложений от внеязыковых причин, постоянная изменчивость самого языка и др.

Еще раз отметим, что недостатки естественного языка не абсолютны. Разве замечаем мы недостатки воды, которая течет из водопроводного крана. Нет, она вкусна и вполне пригодна и для питья, и для приготовления чая или супа. Но для лекарств она уже не годится, ее необходимо дисциллировать, т. е. избавить от «недостатков» — растворенных в ней солей. Так и с естественным языком. Более того, его особенности, которые выше были кратко охарактеризованы как недостатки, стали предметом лингвистического, философского, логического, математического анализа, что позволило глубже проникнуть в природу человеческого мышления и общения.

Когда была изучена сущность естественного языка, осмыслены его «недостатки» и когда были четко поставлены некоторые научно-практические задачи, возникла необходимость создания специальных, искусственных языков.

Среди них оказались как языки, схожие с естественными, так и резко от них отличающиеся. Последние получили название ***формальные языки***. Если формальный язык был получен путем отбора некоторого подмножества предложений языка естественного, то его условились называть ***формализованным***.

Наиболее важная область применения формальных языков — конструирование и использование ЭВМ. Один из первых языков такого рода (их называют еще ***алгоритмическими языками*** или ***языками программирования***) был

ФОРТРАН, разработанный в 1953—1957 годах в США под руководством Дж. Бейкуса. ФОРТРАН — слово английское, возникшее из сокращения сочетания For(mula) Tran(slator) — формульный транслятор, т. е. переводчик на *язык формул*.

Изучение алгоритмических языков приобрело в наши дни исключительную важность. Стали даже говорить о необходимости «второй грамотности» населения (подобно тому, как после Великой Октябрьской социалистической революции боролись за обеспечение «первой» всеобщей грамотности). И вот в школе появился новый предмет — основы информатики. Если раньше каждый изучал языки русский, родной (в национальных республиках) и иностранный, то теперь к ним прибавился еще один, и тоже обязательный — *алгоритмический язык*. Так изменяются наши языковые горизонты под влиянием научно-технической революции и вследствие лингвистического конструирования. «Язык народа — свидетельство его образованности, верное доказательство степени его просвещения». Этим словам Н. И. Лобачевского более ста пятидесяти лет. Но они не утратили актуальности. Сегодня они наполняются новым смыслом: доказательством просвещенности народа, свиде-

тельством образованности человека в наши дни является и владение алгоритмическим языком.

До сих пор эти языки создавались, как правило, на английской основе. Поставлена задача построения *языков программирования* и на базе русского языка. Академик А. П. Ершов, известный советский математик, один из авторов школьного учебника по информатике, заявил недавно на страницах «Комсомольской правды»: «Это мое непреложное мнение. Общаться с машиной будем на русском языке».

Работа по созданию алгоритмических языков — важнейшая современная лингвоинженерная задача. Человек безгранично расширил свои интеллектуальные возможности, передав информационные функции кибернетической технике. Само понятие информации и языка характеризует уже не только чисто человеческие процессы общения. Она охватило технику, мир живой природы и даже — пока гипотетически — общение с инопланетянами, на встречу с которыми надеются земляне.

Ставя все более и более сложные задачи, человек создает и все более совершенные программы для современных компьютеров. И в этой области прогресс неостановим. «Как только окажется, что старыми методами «разговаривать» с машинами невозможно, все необходимое для беседы человека с компьютером появится немедленно»,— говорил выдающийся советский кибернетик В. М. Глушков. Это значит, что впереди нас ожидают и новые *языки, которых еще нет.*

К ЕДИНОМУ ЯЗЫКУ ЕДИНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Команда корабля, которому предстоит длительное плавание с заходом в порты нескольких десятков стран мира, должна была бы комплектоваться в первую очередь из

переводчиков. Ведь что ни страна, то новый язык, и везде нужно договариваться — с лоцманом, с береговыми службами, охраной, снабженцами и т. д.

Тысячелетиями люди плавают по морям и океанам и всюду и всегда находят *общий язык*. Есть ли тут проблема? А проблема есть. Она как раз и заключена в словах «находят *общий язык*». Отметим сначала, что это выражение чаще употребляется в переносном смысле, обозначая единство взглядов, подходов, оценок. «Новое политическое мышление,— пишет советский публицист С. Кондрашов,— в сузившемся и взаимосвязанном мире как минимум требует большего понимания между Востоком и Западом. Понимание невозможно без *общего языка*. Речь, конечно, идет не об английском, французском или русском, а о *языке международного политического общения*. Он должен быть понятен другой стороне, учитывать природу другого общества...»

Но выражение «найти *общий язык*» может иметь и прямой смысл. Вспомним о корабле, команда которого состоит из одних переводчиков. Это всего лишь шутливая постановка острой проблемы, вставшей перед моряками. Недавно группа английских мореплавателей и лингвистов предложила ввести единый *морской язык*. Конечно, он предназначается не для того, чтобы сочинять морские баллады. У него узкая практическая цель — обмен информацией между судами, с портовыми службами и в аварийных ситуациях. В основу *морского языка* положен упрощенный английский с добавлением некоторых морских терминов. «Морской разговорник» предложен Межправительственным консультативным комитетом, который действует от имени Организации Объединенных Наций. Фразы этого разговорника очень лаконичны, но и по числу и по содержанию их достаточно для общения в стандартных ситуациях, которые возникают во время плавания, при портовых маневрах и операциях. Таких ситуаций предусмотрено тридцать шесть.

Схожий по функции *энергетический язык* придуман советскими и финскими диспетчерами линии электропередачи, соединяющей Единую энергетическую систему СССР с энергетическим кольцом Финляндии. Специалистам на обоих концах трассы для переговоров достаточно было двух сотен фраз, понимать которые все диспетчеры должны безукоризненно. Чтобы не учить финские и русские технические термины, они и придумали свой *энергетический язык,* который исправно служит общему делу.

О чем говорят эти факты? Совместный труд предполагает *общий язык* и в переносном, и в прямом смысле. Все ощутимее становится межгосударственная, межнациональная и даже общечеловеческая потребность в *едином языке землян.* Она порождена всем ходом развития земной цивилизации. Еще в 1867 году на II конгрессе Первого Интернационала был поставлен вопрос о *всеобщем языке.* В одной из резолюций конгресса говорилось: «Конгресс считает, что *всеобщий язык* и реформа орфографии были бы всеобщим благом и весьма содействовали бы единению народов и братству наций». На Лондонской конференции Международного товарищества рабочих в сентябре 1871 года Карл Маркс говорил, что различие языков служит одним из препятствий интернациональному объединению профсоюзов.

На рубеже двух последних столетий сложилась новая отрасль знаний — интерлингвистика, наука о *международных языках.* Какие же возможные пути появления такого языка предполагает она? Существует три основных гипотезы: выделение всеобщего языка из числа национальных; создание вспомогательного искусственного языка; всемирное слияние языков.

Иногда эти гипотезы называют даже теориями на том основании, что все три процесса протекали реально, неоднократно наблюдались или осуществлялись человеком. Международные естественные языки возникли одновременно с появлением первых государств, которые редко объеди-

няли одноязычное население. Первыми языками такого рода были шумерский и аккадский (письменные памятники на них фиксируются в течение трех тысячелетий до нашей эры). В античном мире роль международного языка играл греческий, затем латинский язык. В средние века такую функцию выполнял в мусульманских странах арабский язык.

С XI века первым из народных языков Западной Европы за пределы своей территории начинает выходить французский. Он был, например, общим языком разноязычных крестоносцев, благодаря чему этническое название «франки» было перенесено в странах Ближнего Востока на всех западноевропейцев. В XVIII веке на международную арену выходит английский язык, но лишь после первой мировой войны он стал, наряду с французским, официальным *языком международного общения.*

После второй мировой войны начался период официального международного многоязычия. Созданная в 1945 году Организация Объединенных Наций приняла в качестве официальных пять языков стран-победительниц: английский, французский, испанский, русский и китайский. В 1973 году к ним добавлен арабский. С 1974 года все официальные документы ООН переводятся и на немецкий, хотя *официальным языком* ООН он еще не стал. Из шести официальных языков ООН первоначально только английский, французский и испанский служили *рабочими языками* Генеральной Ассамблеи ООН и только два первых из них — рабочими языками Совета Безопасности. Сегодня все шесть языков являются и официальными, и рабочими.

Для международного общения используются в наши дни и другие языки. К так называемым *всемирным международным языкам* принадлежат английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, русский, японский и китайский, а к *региональным международным* — португальский, голландский, арабский, шведский, датский, норвежский и финский. Всего же в 1977 году в международных

организациях использовалось 53 языка. Кроме названных, в это число входили индонезийский, хинди, чешский, иврит, а также латынь (мертвый язык), эсперанто, окциденталь, интерлингва (искусственные языки), папьяменто (креольский) и некоторые другие.

Как видим, лишь десять-пятнадцать естественных языков из 2796 реально могут претендовать на роль языка, общего для всех землян. Это вовсе не означает, что они (или один-два из них) способны вытеснить какой-либо национальный язык или все национальные языки. Поиск *единого международного языка,* его «отбор» — процесс чрезвычайно сложный и длительный. Множество условий (а некоторые из них нам сегодня попросту неизвестны) будут определять судьбу языков в их конкуренции за право стать общечеловеческим средством общения.

Естественно, что нас с вами волнует вопрос: а каковы перспективы русского языка? Включение русского языка в группу языков мирового значения произошло сравнительно недавно, но, что очень важно, его престиж определяется сегодня в первую очередь характером социальной системы, утвердившейся в Советском Союзе, других странах социализма и ставшей к концу XX столетия определяющим фактором мирового развития. Нет смысла гадать о будущем, но одно можно предвидеть с полной определенностью: чем совершеннее будет социалистическая система, тем выше престиж русского языка — языка В. И. Ленина, языка великой культуры, языка межнационального общения народов СССР, языка сообщества людей, устремленных в будущее.

Длительную историю имеют и попытки создания *международных искусственных языков.* До нас дошли сведения, что на рубеже четвертого и третьего столетий до нашей эры искусственный язык пытался создать филолог Алексарх, младший брат правителя Македонии Кассандра. Алексарх предназначал свой язык для жителей основанного им Уранополиса — идеального города-государства, в ко-

тором должны были царить равенство и справедливость. Но язык оказался таким же утопическим и недолговечным, как и просуществовавший непродолжительное время «город неба». А последней по времени попыткой создать искусственный язык можно, по-видимому, считать работу венгерского языковеда Золтана Мадьяра. Он создал новый разговорный *язык романид*, состоящий из наиболее распространенных и необходимых в быту словосочетаний из испанского, итальянского, португальского и французского языков. Романид уже снискал популярность у венгров, хотя до ранга языка международного общения ему еще далеко.

Общее число проектов искусственных языков в настоящее время приближается к тысяче. Пятьсот шестьдесят из них предложены в XX веке. Но лишь очень небольшое число лингвопроектов было реализовано и привело к тому, что люди действительно общались с помощью изобретенных языков. Наиболее известные среди них — волапюк (1879), эсперанто (1887), идо (1907), окциденталь (1921), интерлингва (1951).

Единственный из искусственных языков, собравший под свои знамена постоянный и все увеличивающийся коллектив говорящих,— это эсперанто. По данным 70-го всемирного конгресса эсперантистов, состоявшегося в 1985 году в западногерманском городе Аугсбурге, этим языком пользуются более десяти миллионов человек из 103 стран мира. Своим рождением этот язык обязан Польше и России. Его создал варшавский врач Людвиг Лазарь Заменгоф (в России его звали Людовик Маркович, годы его жизни 1859—1917), взявший себе псевдоним *доктор Эсперанто* (что значит «надеющийся»). Это имя закрепилось и за его детищем.

В 1905 году во французском городе Булонь-сюр-Мер состоялся Первый конгресс эсперантистов. Все 688 его участников, представлявших 20 различных стран, общались исключительно на эсперанто. Они приняли «Декларацию об эсперантизме». В ней говорилось, что эсперанто — язык

нейтральный, не является ничьей собственностью, не стремится вытеснить существующие национальные языки и представляет собой действительно завершенный язык, всесторонне испытанный, жизнеспособный, во всех отношениях наиболее пригодный для межнационального и международного общения. Кажется, время подтвердило эту характеристику эсперанто.

Накануне Булонского конгресса в 1905 году Л. Заменгоф издал полное описание своего языка — книгу «Fundamento de Esperanto» («Основы международного языка эсперанто»). В ней изложена грамматика эсперанто из шестнадцати правил на французском, английском, немецком, русском и польском языках, необходимые упражнения и основной словарь, а также теоретические предпосылки автора. Принципиальная система эсперанто объявлялась Л. Заменгофом неизменной, хотя сам язык, по его мнению, должен и будет развиваться естественным путем.

У нас в стране создана Ассоциация советских эсперантистов, которая сотрудничает с Международным движением эсперантистов — борцов за мир. Она проводит всесоюзные конференции и ведет многообразную работу — от лекций по истории и теории эсперанто до спектаклей на этом языке. Ленинградские эсперантисты поставили даже трагедию В. Шекспира «Гамлет», переведенную некогда самим Людвигом Заменгофом. Основная цель советских эсперантистов — способствовать взаимопониманию между народами, социальному прогрессу, укреплению мира на планете.

Наиболее дискуссионной является третья гипотеза о возникновении всеобщего средства общения — «теория всемирного слияния языков». Суть ее в следующем. В отдаленном будущем, когда все народы мира будут жить в условиях коммунистического общества и, следовательно, исчезнут какие бы то ни было препятствия для самого широкого общения и сотрудничества между людьми, равноправно сосуществующие большие и малые языки начнут сближаться и в конце концов сольются в единый *общече-*

ловеческий язык. Эта гипотеза поддерживается, с одной стороны, представлениями о будущем слиянии наций и возникновении единого мирового хозяйства (последний процесс интенсивно протекает уже и сейчас). С другой стороны, поддержкой для нее служат наблюдаемые факты образования новых языков в результате взаимодействия двух или более исходных языков.

Выше был упомянут язык папьяменто, названный в скобках креольским. Становление креольских языков и дает некоторое основание для того, чтобы считать возможным слияние языков земли в будущем. Что же это такое — *креольский язык?*

Допустим, где-то жили два-три соседних племени, каждое со своим языком. На эти земли приходят колонизаторы. Язык колонизаторов, «объединивших» эти племена, постепенно усваивается коренными жителями. При этом происходит значительное упрощение его грамматического строя, лексического состава и одновременно смешение его элементов с элементами племенных языков. Постепенно складывается *вспомогательный язык,* который не является родным ни для членов племени, ни для колонизаторов. В дальнейшем такой язык может исчезнуть, но может и развиться до полноценной коммуникативной системы и структурно (фонетически, грамматически, лексически), и в социальном отношении (появится письменность и литература, разовьются стили и т. д.). Подобный язык, расширивший свои коммуникативные функции, усовершенствованный структурно и — что очень важно — ставший родным для какого-либо языкового коллектива, и называют креольским.

Во всем мире на креольских языках говорит более семи миллионов человек в странах Африки, Океании, Центральной Америки, Карибского бассейна. Наиболее значительные креольские языки, используемые в качестве общенациональных,— это сранан-тонго в Суринаме, ток-писин в Папуа — Новой Гвинее, зеленомысский в Республике Зеленого Мыса, гаитянский на Гаити.

Может ли будущее языковое развитие мира пойти по пути креолизации (речь идет, конечно, не о колонизации, а о сути языковых процессов)? Пока для более или менее приемлемого ответа на этот вопрос не хватает ни фактов, ни хорошо разработанной теории взаимодействия языков, приводящего к их слиянию. Проблема остается открытой. Наука ждет новых исследователей и новых исследований.

Единый язык единого человечества пока является *языком, которого еще нет*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не претендующими на бесспорность и окончательность выводами, а двумя вопросами завершим мы наш рассказ-размышление.

Сколько же значений имеет слово *язык*?

И сколько же *языков* человеку нужно?

Словом *язык* люди обозначали и обозначают любое известное им средство передачи информации. Исчислите количество типов коммуникативных систем, и вы будете знать число значений этого слова. Самое важное — не окончательное число этих значений, а умение отличать *язык живой* от *мертвого, язык человека* от *сигнального кода, словесный язык* от *языка искусства, язык мира и дружбы* от *языка вражды и угнетения, язык настоящего* от *языка будущего.* И не только уметь отличать, но и учиться анализировать, исследовать, совершенствовать и конструировать их.

Теперь несложно ответить и на второй вопрос. Человеку нужны все возможные *языки мира* — во всех возможных значениях этого слова. Нужны для того, чтобы говорить со всеми землянами, со всем живым миром и, если вдруг откроется возможность, с инопланетянами, управлять природой и создавать произведения искусства, общаться с компьютером и строить новое общество без угнетения и войн.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс утверждали, «...что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они — только проявления действительной жизни»[1]. Овладевать всеми языковыми богатствами мира — значит учиться жить в этом мире, учиться жить действительной жизнью.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд., — Т. 3.— С. 449.

СОДЕРЖАНИЕ

Издание для детей и юношества
Сокровища языка

МИХНЕВИЧ Арнольд Ефимович

ЯЗЫК, КОТОРОГО НЕТ...

Заведующая редакцией *А. А. Дереш.* Редактор *А. И. Пыльченко.* Оформление *Э. Э. Жакевича.* Художник *К. Н. Куксо.* Художественный редактор *Н. Л. Шавшукова.* Технический редактор *М. И. Чепловодская.* Корректор *Т. Н. Ведерникова.*

ИБ № 2654

Сдано в набор 02.02.88. Подписано в печать 28.04.88. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 3,5. Усл. кр.-отт. 7,44. Уч.-изд. л. 3,58. Тираж 34 000 экз. Заказ 783. Цена 20 к.

Издательство «Народная асвета» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. 220041, Минск, Ленинский проспект, 79.

ИИКА PROBLEME DE
РОДНАЯ ВЁС
НАУКА
ВЫРАЙ
ЖЫЦЦЁ
UNE SOLIDE
GRA
ВЯЛІКІЯ
ОБЩЕСТВО
РАДОСТЬ
пугвица застегнет
ЗЯМЛЯ
станционная
ВАСІЛЁК
ЦЕНТР
ПЕРЕКРЕСТКЕ
Опыт и доверие
une gra
МОВА
ПРИЗНАН
РАНІЦА
Ковер
СНЕЖАНЬ
А
ЗВЫЧАЙ
ИСКУССТВО
В
tout un atelier
ЗНАКОМЫЕ
ЗАМЕЧАТЕЛЬН
ПРОГРАММА
Gemeindegebiet
The significant advance
Когда
МИНСК
ИСТО
пластм
chromatography
Ю
ЭЛЕКТРОННЫ
система
сопутствует
ЗВАНЫ
слово
ЗВЕЗДЫ
Ж
ЯЗЫК
REPUTATION
МАССОВОЕ
КНИГА
di concepire il televisore
instrumentation
СТЕПНОЙ
libra
НАРОД
ЛЮДЗІ
у

20 к.

Языкъ —
мясистый снарядъ во рту,
служащій для подкладки зубамъ пищи,
для распознанья вкуса ея,
а также для словесной речи,
или, у животныхъ, для отдѣльныхъ звуковъ;
словесная речь человѣка, по народностямъ;
словарь и природная грамматика;
совокупность всѣхъ словъ народа
и вѣрное ихъ сочетанье,
для передачи мыслей своихъ;
способность или возможность говорить;
слова, а болѣе постановка и связь их,
образъ, способъ выраженья,
свойственный кому лично;
строй, слогъ и самый выборъ словъ,
при различном ихъ образованіи,
глядя по предмету,
о коемъ говоришь,
и по принятому обычаю...

В. И. Даль.